

БОЕВАЯ МАРИЯ БРЕВНИХ

След Сокола

СЕРГЕЙ САМАРОВ

След Сокола

Сергей Самаров

След Сокола

«Автор»

2013

Самаров С. В.

След Сокола / С. В. Самаров — «Автор», 2013 — (След Сокола)

ISBN 978-5-699-61575-9

Некогда могущественный славянский племенной союз из-за внутренних распрей распался на несколько мелких княжеств. Княжество бодричей сохранило название союза да гордость за дни былые. Оно же и стало яблоком раздора между противоборствующими силами, и эта внутренняя бойня заставила ужаснуться всю Европу. Годослав, князь бодричей, сохранял целостность племени нечеловеческой волей, словом и мечом... В историю Годослав вошел не только как мужественный и мудрый воин, но и как отец Рюрика, будущего основателя многовековой русской царской династии. Рюрик сохранил герб отца, трезубец, – геральдическое выражение атакующего сокола...

ISBN 978-5-699-61575-9

© Самаров С. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Самаров

След Сокола

Глава 1

– Вперед! К обеду мы должны уже быть на месте, – направляющий жест, властный и конкретный, с нотками уверенной надежды в голосе, послужил дополнительной командой.

Погожим майским утром, сразу же после раннего и свежего весеннего рассвета, когда по дну лесных оврагов еще стелется туман, а наверху бодрящая роса добела омывает копыта коней, небольшой отряд из шестнадцати хорошо вооруженных франкских конников выступил в поход. Всадники торопились. Никто даже не потрудился в спешке затушить угли небольшого привального костра, сизый дымок которого рвался тонкой струйкой сквозь незапыленную листву к небу.

Возглавлял отряд высокий и худощавый, но весьма широкоплечий рыцарь в богатых, узоренных чернью и золотом доспехах явно восточного происхождения. Но внешний облик самого рыцаря откровенно говорил, что сам он, хотя и загорел лицом почти до каштанового лоснящегося оттенка, родился явно не на Востоке. Вьющиеся белокурые волосы длинными и густыми, будто бы тяжелыми локонами ложились на плечи. Глаза цвета майского полуденного неба, еще не обожженного солнцем до летней светлости, смотрели на окружающее печально и устало. Таким же усталым и даже слегка апатичным выглядело и скуластое лицо, черты которого, впрочем, показывали любому наблюдателю, что рыцарь не лишен твердости характера. И это давало надежду, что рыцарь не изнежен и устал вовсе не от трудностей пути почти через всю Европу, преодоленного отрядом.

Именно он негромким, но твердым и внятным голосом дал команду к выступлению.

Рядом с рыцарем, отстав на половину крупы лошади, по обе стороны держались два воина в светлых, тоже сарацинских доспехах, которые резко отличали их от почти всех остальных спутников, вооруженных проще и без затей. Последний же из передовой группы, одетый во все черное и постоянно держащий запахнутым на груди длинный черный же плащ, будто испытывал холод, выделялся почти так же, как и ее предводитель. Всадника в черном со всех сторон плотно окружали простые воины. Можно было бы подумать, что это пленник, если бы не длинное копьё в его руках и не кривой меч, что оттопыривал полу плаща, чуть выглядывая только кончиком дорогих, красиво отделанных узорчатых кожаных ножен.

Едва кони вышли из лесных зарослей и начали осиливать плавный подъем на каменистый холм, как откуда-то сзади, почти с места короткого недавнего привала, послышался залиvistый петушиный крик.

– Там, господин граф, поет ваш неподжаренный завтрак... – показывая большим пальцем за спину и непритворно вздохнув, сказал, не поднимая глаз, угрюмый воин со шрамом через все лицо наискосок. – Да и наш, кстати, тоже. Конечно же, более скромный...

И воин сбросил вторую руку с высокой луки седла на круп лошади, отчего светлая сарацинская кольчуга мягко и почти музыкально звякнула. Но жест выражал явное неодобрение действиями предводителя.

Граф остановил на говорившем короткий спокойный взгляд и пошевелил плечами под плащом, подбитым легким мехом, словно выражая равнодушие.

– Я уже сказал тебе, Реомюр, что мы должны проехать, не привлекая к себе внимания. Это и в наших интересах, и в интересах нашего короля.

– Никто, ваше сиятельство, не успел бы и сообразить, в чем дело, – и мы были бы уже сыты, и этой деревеньки уже не существовало бы...

– Потерпи, мой друг. Терпение – главное достоинство христианина. Хаммабург совсем рядом. Там нас ждет обед у короля. А здесь кругом рыщут отряды предателя и разбойника Видукинда. Они много дали бы, чтобы захватить меня и того, кого я везу нашему повелителю.

– Кстати, они зовут себя совсем не разбойниками, а величают повстанцами. И предпочитают, чтобы мы их величали так же.

Граф улыбнулся.

– Это не меняет сути. Собственное имя лишь отвечает собственному представлению. А учитывать следует и представление других. Не случайно общество всегда дает людям прозвища. В этих прозвищах порой смысла больше, чем в целом свитке с родовым древом... Вот тебя прозвали когда-то Стеной, и уже много лет каждый рыцарь знает, что если Реомюр Стена будет прикрывать в бою спину, можно драться спокойно, чувствуя себя так, словно у тебя на спиной стена из камня. И это правда...

– Видукинд сейчас, ваше сиятельство, севернее бродит, он боится отойти от границы данов, – сказал другой воин, подъезжая к графу с противоположной стороны. – Чуть какая-то реальная для него опасность, он сразу прячется под крылышко Скъелдунга. А в этих местах, слышал я, разбойничает эделинг Аббио. Но я думаю, что Вельзевул Сатаны не щедрее на ласку, и потому прислушиваюсь, что у нас за спиной делается... И кажется...

– И что же тебе кажется?.. – настороженно спросил граф, невольно коротко оглядываясь.

Воин остановил коня, что тотчас сделали и другие путники, и все прислушались. Граф даже пальцем в металлической кольчужной перчатке убрал за ухо длинный локон, мешающий ему слушать лучше.

– Что там? – еще раз спросил он, потому что сам посторонних звуков не уловил.

– Мне сдается, что нас нагоняют конники, – сказал воин, почесывая сломанный нос. – И отнюдь не пара человек... Слышите, будто прибой вдали шумит...

Реомюр, при всей солидной тяжести своих боевых доспехов, легко спрыгнул с коня, быстро сбросил с головы шлем без забрала, но с наушами в виде серебристых крылышек¹, за шлемом последовал тонкойковки светлый кольчужный подшлемник, и, распластавшись, припал к земле ухом. Все затаили дыхание и натянули поводья, чтобы лошади не стали бить копытом, мешая чуткому воину прочесть колебания еще недостаточно просохшей к концу весны земли.

– Что слышно? – Граф как будто даже слегка взволновался, и это не осталось незамеченным. Остальные воины, знающие своего предводителя лишь несколько дней, осторожно переглянулись. Разумеющие только ремесло ратника, робости перед противником они не могли бы простить никому, даже самому знатному вельможе, каким предводитель отряда, судя по всему, и является, если его с нетерпением ждет король.

Реомюр встал и мрачно оглянулся.

– Ну?.. – Граф пылал нетерпением.

– Конница. Не рыцари, не солдаты. Не все кони подкованы...

– Много?

– Не меньше пяти десятков. Может, и восемьдесят. Трудно разобрать. Далеко еще...

– Не будь я Журденом из Бордо, это люди Аббио, – сказал воин, который первым услышал приближение врага. – Любезно желаю господину графу не попасть в плен, а нам всем желаю избежать виселицы. Судя по вчерашнему закату, сегодня днем обещается сильный ветер, и трупы будут сильно раскачивать. Это весело, и ворон отпугивает, но не слишком, признаюсь, красиво...

¹ Шлемы без забрала носили простые воины, но наличие наушей на таком шлеме говорило о том, что этот воин входит в свиту какого-то вельможи.

И он, хмуро сдвинув густые, почти сросшиеся на переносице брови, стал натягивать тяжелую кожаную рукавицу с нашитыми на нее металлическими пластинами.

Однако другие воины не торопились последовать примеру Журдена. Ожидая команды, они смотрели на графа, нимало не сомневаясь, что последний распорядится гнать коней, чтобы попытаться скрыться. В самом деле, их кони, в отличие от коней преследователей, еще свежи, и это в первое время даст преимущество, хотя тяжелое вооружение через час и сведет это преимущество на нет. Но кто знает, что с ними будет через час... Через час они могут повстречать передовой отряд франков. Или же сами саксы, не застав противника врасплох, устанут и отстанут. Надежда есть, надежда всегда покидает человека только после прощания с миром...

Граф печально и горько улыбнулся чему-то своему, потаенному, потом неторопливо поднял красивую голову и окинул взглядом окрестности. И, не раздумывая долго, тут же показал рукой на вершину холма, куда отряд только начал подниматься.

– Там будем ждать!

И сам привычным движением опытного воина снял с крепления на луке седла шлем с пышными красными и синими абиссинскими перьями, стянутыми золотым кольцом.

– Готовиться к бою!

Команда, произнесенная твердо, хотя и не слишком громко, и обрадовала, и одновременно насторожила. Воины не знали даже имени графа, которого им приказали сопровождать до королевской ставки. Что он за командир? Как он себя покажет? И если только что они готовы были упрекнуть его в трусости при ожидании противника, то сейчас уже готовы были обвинить вельможу в откровенной необдуманности действий и неосторожности. Перед явно превосходящим численностью противником отступить никому и никогда не зазорно. А саксы в бою неуступчивы и неустрашимы, это известно давно.

Граф первым пустил коня вскачь. Чуткий чистокровный скакун, недавно такой же спокойный, как и всадник, легко уловил перемену в настроении хозяина, и даже поступь его изменилась, стала более упругой и сильной.

– Как все-таки зовут твоего господина? – спросил Реомюра, снова водрузившего на голову шлем и уже легко вскочившего в седло с высокими луками, один из воинов. – Это, пойми меня правильно, не вопрос праздного зеваки. Мне весьма хочется знать, кто поведет меня в бой. Я воюю с детских лет и привык знать, за что и за кого поднимаю оружие.

Реомюр усмехнулся с вызовом.

– Это ты узнаешь, когда доставишь его к королю. Король ждет графа с нетерпением уже долгое время. И оружие ты сегодня будешь поднимать только за короля. Это должно тебя устроить...

– Долгое время... Откуда вы добираетесь? – Воин уловил в сказанном только одну фразу, которую постарался расшифровать.

– Издалека. Очень издалека! И нынешняя задержка нам весьма некстати... Нехорошо заставлять ждать короля. Поэтому надо побыстрее закончить сегодняшнее маленькое дельце, и снова в путь!

Воин искренне возмутился.

– Маленькое дельце! Иногда маленькое дельце может решить судьбу королевства. Случайная стрела освобождает трон для наследников... Сколько раз такое уже было. А уж про простых смертных, как мы или даже сам граф, и говорить не будем. Маленькое дельце! Вы со своим графом хотя бы знаете, что представляют собой эти язычники-саксы? Доводилось с ними в бою встречаться?

– Да... Лет десять назад... – уклончиво ответил Реомюр и, не желая продолжать разговор, кивнул, словно прощаясь, и пустил коня вслед за графом.

– Ты такой же молчун? – с откровенным недовольством спросил воин второго спутника вельможи – Журдена из Бордо, зная уже любовь последнего к замысловатой и красочной

речи. – Нам сейчас, браток, стоять плечом к плечу. Не будь я Третьен из Реймса, мне очень хотелось бы знать, за кого я могу погибнуть! И стоит ли мне погибать за этого человека...

Журден посмотрел вслед удаляющимся товарищам, улыбнулся недоверчивости воина и ответил, придерживая повод перебирающего копытами коня:

– У вас в Реймсе все такие упрямые?

– В Реймсе много разных людей, но Третьен и там один! – сказал воин с гордостью.

– Что же, я могу тебе сказать, поскольку специально мне этого никто не запрещал, что его сиятельство возвращается из сарацинского плена. От всей души не желаю тебе туда попасть. Семь лет он провел в магометанской тюрьме... И каждое утро ему сообщали, что в полдень состоится казнь... Каждый день все семь лет... Что теперь для него жизнь?.. Он столько лет ежедневно прощался с нею...

Третьен понимающе качнул упрямой головой.

– Сарацинский плен – это серьезно. Простого человека сарацины или сразу убивают, или отправляют на галеры. И казнь простого человека семь лет пугать не будут, потому что простому человеку, как мне или тебе, терять и без того нечего. Так как же его зовут? – настаивал воин на своем. – Нам не стыдно поднимать за него оружие?

Последний вопрос был задан настолько между прочим, что, казалось, Журден просто не сможет на него не ответить. Но тот, при внешней многословности, оказался тоже не слишком прост и хитрость раскусил сразу.

– Не имя определяет дела человека, а дела создают ему имя. Хотя, если разобраться, это не совсем правильно. Вот если человеку дано от рождения славное родовое имя, он просто обязан совершать дела, чтобы свое имя не уронить. Но я не о том... Ты еще будешь гордиться, когда узнаешь, чьего коня тебе доводилось придерживать, – ответил Журден, опять улыбнулся, кивнул точно так же, как до него кивал Реомюр, и тоже дал своему коню шпоры.

– Уж не сам ли это Хроутланд вернулся, – качнул головой недоверчивый франк из Реймса. – Семь лет прошло, как и предсказывали...

– Едва ли, – второй воин, морщась от боли, прилаживал щит на перевязанную под кольчужой руку. – Хроутланд был маркграф Бретани, а этого зовут просто графом...

– Но ведь – тоже сарацины...

– Мало ли франков сражалось с ними!

– А что должно произойти через семь лет? – спросил, надевая пектораль, молодой воин с простодушными и всегда, похоже, удивленными совыими глазами.

– Ты что, не слышал, что предсказала королю колдунья из Хильдесхайма?

– Нет.

– Она предсказала, что маркграф Хроутланд не погиб при Ронсевале и вернется к Карлу через семь лет.

– И что король?

– Король проявил к колдунье великую милость. Ее должны были медленно опустить в котел с кипящим маслом, а Карл за хорошее предсказание приказал опустить ее быстро, чтобы не мучилась.

– Наш король всегда непомерно добр к грешникам, – сказал юноша и трижды перекрестился. – Мы отстали, надо догонять...

* * *

Когда весь отряд, позванивая тяжелыми доспехами и оружием, быстрой рысью взобрался к вершине, граф, на несколько минут всех опередивший, уже внимательно осматривал окрестности и, судя по его лицу, остался доволен своими наблюдениями. Место он выбрал и в самом деле единственное удачное, это любой из воинов сопровождения должен был про себя отме-

туть – путешествующий инкогнито вельможа оказался опытным командиром. С одной стороны острокаменная, будто неведомым великаном рубленная гряда, с другой – витые заросли густого, коряжистого леса, замусоренного непролазными кустами.

Пехоту в преследование конников, известное дело, не отправляют, а конники через такой густой лес продраться не смогут. Значит, у погони только один путь – напрямик по дороге. Но дорога, хотя и достаточно широкая, с двух сторон сдавлена теми же острыми неровными камнями. Через нее коням не перебраться, если они не умеют скакать прямо по воздуху, подобно легендарному восьминогому Слейпниру². Значит, атаковать саксы могут только одной колонной, не более четырех-пяти всадников в ряд. И лишь ближе к вершине холма есть простор, где можно развернуться. Мысль графа без объяснений стала ясна спутникам, участвовавшим во многих королевских походах. А Карл Великий, известно, ни одного лета не проводил в стенах своего стольного замка в Аахене.

Не дать противнику развернуться. Атаковать его сверху на выходе из каменных ворот и держать там, сводя численный перевес на нет. В таком положении все решить может не количество воинов, а их умение обращаться с оружием – воинское искусство. А уж в искусстве боя франки с любыми повстанцами потягаться смогут.

– Рассыпаться веером, – крикнул граф без возбуждения, но громко и протяжно, и спутники впервые услышали от него такую уверенную команду. Несомненно, этому рыцарю не однажды доводилось посылать полки в бой. Вся грустная усталость, казавшаяся раньше постоянным состоянием молодого человека, исчезла, как по волшебству. Глаза загорелись холодной и суровой синевой, выражая решительность и желание действовать.

– По флангам по три человека караулят тех, кто спешится. На равнину их не выпускать. Центр атакует по моей команде вместе со мной. Копья к бою!

Франки молча и точно выполнили приказ командира и замерли с копьями, пока еще поднятыми остриями к легким весенним облакам, чтобы рука не устала от тяжести древка раньше времени. Разноцветные вымпелы, закрепленные под калеными наконечниками, легкомысленно играли на ветру, словно не понимали еще близкого своего конца – вымпелы с копья всегда срываются после первой же атаки. Лошади, умные и дисциплинированные, перебирали стройными ногами, напряженно ожидая, когда люди отпустят поводья и направят их ударами шпор вперед – вниз с холма, навстречу другим лошадям и чужим воинам, в столкновение, где выживает только самый сильный и яростный.

Граф повернулся к всаднику в черном.

– Ты же, сударь мой, поднимись к вершине и ожидай нас там. А в случае чего – ноги твоего скакуна легки. Других таких ног не сыскать в наших северных краях... Дорога выведет тебя напрямик к Хаммабургу. Расскажешь все королю.

Черный всадник отрицательно покачал головой.

– Я буду честно драться рядом со всеми, и пусть пророк Мухаммад будет тому свидетелем! – сказал он на скверном, но вполне понятном франкском языке достаточно категорично.

Граф покачал головой.

– Твой правитель не воюет с саксами.

– Мой правитель и повелитель – союзник Карла. Карл воюет с саксами. Значит, саксы – враги моего повелителя.

– Благодарю тебя, высокородный... Твое копьё и твой меч понадобятся нам, – просто сказал граф, решив проблему к удовольствию обеих сторон, и развернул коня.

– Я не уроню имя своего повелителя. Аллах Акбар! – сказал всадник в спину графу.

² *Слейпнир* (*Скользящий*) – конь Вотана (в скандинавской транскрипции – Одина), верховного бога германского пантеона. Франки – германское племя, до принятия христианства поклонялись Вотану.

Внизу, под основанием холма, из леса выехала разномастная группа всадников. Их оказалось, в самом деле, около семидесяти-восемидесяти человек. Но настоящих воинов, защищенных броней и соответственно вооруженных, было меньше половины. Остальные представляли собой привычное взгляду сакское ополчение, вооруженное чем придется, часто просто длинными дубинками, заменяющими копья, и тяжеленными топорами, приспособленными больше для рук дровосека, чем воина. Но возглавляли отряд, несомненно, люди знатные. Трое саксов выделялись перьями на шлемах и щитами с гербами, которые разобрать с такого расстояния было просто невозможно. Да и не было в походном отряде герольда, который смог бы прочесть саксонские гербы³. Как не было, впрочем, даже герольда простого, умеющего читать гербы франков.

Повстанцы не успели пустить коней вскачь, не определив главную цель, временно потерянную. Очевидно, они только что покинули недавнюю стоянку отряда франков, которых, вопреки своим ожиданиям, уже не застали на месте, и еще не знали, что противник так близко и ждет их, придерживая дрожащих от нетерпения коней и сам готовый к схватке.

Граф сощурил глаза, всматриваясь.

– Господи... – презрительно, как и положено высокому вельможе и рыцарю, сказал он, – да там какой-то сброд с ближайших деревень, а не войско. Я не хочу заставлять своего короля ждать. Я бы предпочел сразиться с предводителем и решить дело в честном поединке, чем убивать этих невинных детей лесов. Так спор первенства решится гораздо быстрее, и мы расстанемся с честью и со славой.

– Беда в том, что сами дети лесов оценивают себя иначе, ваше сиятельство, – сказал Третъен из Реймса. – И они уже не раз доказывали собственное право на иное мнение многим из наших излишне благодушным рыцарям.

– Ну-ну... – Граф, не опуская копья, улыбнулся, оставшись при собственном мнении, достал из-под плаща большой рыцарский рог, поднял его и так громко затрубил приглашение к бою, хорошо знакомое каждому рыцарю, что сигнал слышали, наверное, все окрестности.

Саксы под холмом остановились на несколько минут, совещаясь. Завертелись под всадниками нетерпеливые лохматые кони. Затем, приняв какое-то решение, весь отряд развернулся и, поднимая облако пыли, понесся вскачь вверх по дороге.

Графу показалось, что его приглашение не принято. И он удивленно поднял брови. Но верный долгу рыцарства и даже немного играя этим, упрямо протрубил вызов снова. Ни один на свете герольд не смог бы сказать, что рыцарь взял неправильную ноту и потому его могли не понять противники. Нет, они не признавали его права на поединок, считая и самого графа, и его спутников своей законной добычей, с которой церемониться не стоит.

– Пусть будет так, как эти несчастные желают... Они сами выбрали себе долю, – сказал рыцарь и привычным движением сбросил на глаза решетчатое золоченое забрало, закрывающее верхнюю часть лица.

Кони ржали и хрипели. Повстанцы атаковали шумно, с устрашающим гиканьем и свистом, которые уже доносились до франков отчетливо. Но этот шум помешал самим нападающим услышать другой звук, который заставил графа и его спутников поднять головы и всмотреться вдаль, за спины идущих в бездумную атаку полувоинов-лесовиков.

Оставленная только что дорога обещала вывести к месту схватки нового участника. Откуда-то из леса, из дальнего края его, в ответ на призывный сигнал графского рога раздался ответный схожий звук. Кто-то пожелал скрестить свое копьё с неизвестным пока соперником и показывал, что он торопится испытать собственную силу в равном поединке, не подозревая,

³ Во времена Карла Великого гербы еще только-только начали входить в обиход. И первоначально не имели стройной научной основы построения, как через два века, когда по гербу опытный герольд мог прочесть не только имя рыцаря, но и его боевой путь, его материальное положение и взаимоотношения с родственниками.

что попадет не на турнир, а на настоящую, пусть и маленькую, битву, где призом победителя становится сама жизнь⁴.

– Вот и нежданная помощь к нам, – радостно посмеиваясь, сказал Реомюр. – Надо признать, что неизвестный рыцарь прибывает вовремя. Добрая, должно быть, у него душа... Душевные люди всегда появляются вовремя!

– Слишком рано, – с непонятной улыбкой посетовал граф. – Он непременно попытается отнять у нас славу победителей. Поэтому нам следует поторопиться.

Однако поспешности в деле рыцарь так и не проявил. Саксы уже приближались, франки нетерпеливо оглядывались на своего предводителя, а граф все не давал команды к атаке. Передние ряды повстанцев, вопреки обыкновению больших и организованных битв, составили наиболее легко вооруженные всадники, которые в стремлении захватить добычу смогли обогнать своих утяжеленных броней сородичей. Дорогу в гору их кони осиливали легче. И сами всадники готовы были уже выскочить из каменного мешка и схватиться с противником в кровавой сече, когда граф опустил копье.

– Монжуа! – издал он боевой клич франков и дал коню шпоры.

– Монжуа! Монжуа!

С таким же точно кличем остальные воины понеслись в стремительную атаку. Свежие лошади и движение сверху вниз сделали свое дело. Граф рассчитал точно и выдержал время до секунды. Едва саксы выскочили из каменного мешка дороги, как франки обрушились на них, скоростью и тяжестью, боевой мощью единовременного удара сметая со своего пути и уничтожая. Первая же атака оказалась настолько сильна, что весь проезд оказался заваленными телами убитых и раненых людей и нескольких лошадей. Над этой кучей повисли человеческие крики, взвизги, стоны, рычание, конское ржание и облако пыли. Таким образом, опоздавшие к началу схватки, не сумев остановиться на полном скаку и не разобравшись, что там впереди произошло, оказались в этой куче, поверженными. И уже трудно стало разбирать – где убитый, а где живой. Но самое главное преимущество, которое франки получили за счет своей мощи, это возможность, не слезая с седла, атаковать противника, который не способен полностью защитить себя, заняв удобную для боя позицию. Колющие удары копий, точные и выборочные, методично прорезали ряды повстанцев. Побоище длилось несколько минут, пока саксы не сообразили отступить хотя бы на несколько шагов, чтобы выровнять передовые ряды и выставить вперед нескольких имеющихся в отряде щитоносцев.

У франков теперь уже не было времени, чтобы развернуться и разогнаться для повторной атаки – повстанцы могли выскочить на открытое пространство, и тогда защитникам холма пришлось бы туго. Дальнейшие события должны были развиваться по непредсказуемому сценарию. Окровавленные копья стали почти бесполезными, когда саксы двинулись по трупам своих же погибших товарищей, заваливших проезд, вперед и скатились вниз, под ноги франкских лошадей. Теперь в ход пошли длинные франкские мечи и притороченные к седлам боевые секиры, способные рубить конника почти до седла, а пешего просто разделить на две части – самое знаменитое и страшное оружие франков-завоевателей. Оружие же саксов оказалось короче, сами они не были так организованы, как франки, и не умели выдерживать строй, хотя отличались известным всем противникам упорством, граничащим с упрямством, и потому не желали отступать, тем более что хорошо знали о своем большом численном превосходстве. Но

⁴ Историки до сих пор не пришли к однозначному мнению относительно времени зарождения рыцарства как класса средневековой Европы. Многие вообще относят это ко времени начала Крестовых походов. Однако наиболее подробный и тщательный исследователь вопроса, французский историк герцог Шатобриан склонен думать, что рыцарство, вместе с рыцарским кодексом чести, с правилами поединков и церемонией вызова, зародилось еще в VII веке. Автор романа склонен верить этому крупнейшему авторитету. По крайней мере, во времена, описываемые в романе, рыцарство, несомненно, уже существовало. Во времена Карла Великого проводились первые из известных историкам турниров. К тому же жемчужина средневекового эпоса «Песнь о Роланде» (Хроутланде) является прямым доказательством существования в те времена рыцарства как уже сложившегося слоя общества.

превосходство это таяло буквально на глазах. Повстанцам бы самое время опять отступить и перестроиться, потому что через гору трупов франкские кони не могли бы переступить. Но среди нападавших не оказалось способного руководителя. Единственное, до чего их руководитель додумался, – это спешить два десятка воинов и пустить их через камни в обход дороги, чтобы обхватить франков по флангам.

Но граф это предусмотрел еще до начала боя, и пеших воинов встретил удар свежих конных копейщиков, не ввязывающихся ранее в схватку. И этот шаг опять свел на нет преимущество в численности. Тяжелые и короткие, как у викингов, мечи саксов, такие удобные для битвы в лесу, или в городе, или в море на корабле, везде, где нет возможности размахнуться для полновесного удара, проигрывали в битве конников с пешими многократно. Традиционные скрамасаксы и лангсаксы⁵ в этом положении помогали еще меньше, потому что франки сохраняли строй, не стремились атаковать и смешиваться в общую кучу и не нарывались на острые лезвия, убийственные для коней.

Бой почти остановился – саксы не решались двигаться вперед, на явную смерть, а франки не желали сами покинуть седла и углубиться пешим строем в каменный коридор дороги, где их преимущество сводилось бы к минимуму. Но тут снова раздался звук рыцарского рога – совсем рядом. Увлеченные схваткой повстанцы заметили нового врага поздно и подпустили его к себе непростительно близко. Около сотни франкских копейщиков во главе с рыцарем в развевающемся широком красном плаще атаковали задние ряды смятенных жителей лесов, так и не успевших опробовать силу собственного оружия для нападения. А для защиты, когда нет возможности как следует развернуть коней и набрать скорость для копейной схватки, их оружие годилось мало.

Но в этот момент командир саксов, видимо, сообразил, где находится их возможный, как ему казалось, путь к спасению, – и дал единственную и естественную команду. Все, кто слышал и кто смог, последовали ей. И на малочисленные ряды франков в горловине дороги пошла отчаянная и стремительная атака – повстанцы стремились прорваться. Ярость атаки обуславливалась именно тем, что иного способа выжить у них вроде бы и не было. И это могло бы принести спасение. Однако другая часть или не слышала команды предводителя, или не пожелала ее исполнить. Побросав коней, эти саксы перескакивали через камни по обе стороны дороги и спасались бегством через места, где конники не могли их преследовать.

Граф со своими воинами выдержал первый удар, нанеся противнику значительный урон, но, когда ряды смешались, положение его все же стало трудным. Сам он почти постоянно держал коня поднятым на дыбы, будто в танце, чтобы иметь возможность наносить дальние удары и не сходиться вплотную сразу со многими противниками. Конь был несколько раз ранен, и спасала его только сарацинская кольчужная попона. А граф кричал, смеялся и радовался бою, как ребенок игре. Рядом молчаливым и юрким волчком вертелся среди саксов воин в черной одежде. Его легкий и тонкий, невиданный в здешних местах кривой меч сверкал черной молнией и извивался змеей⁶, и черный всадник наносил по три удара тогда, когда франки успевали нанести один. Ожесточенно рубились рядом с графом Реомюр и Журден, стараясь порой собой закрыть рыцаря от ударов сзади. Неистово размахивал боевой секирой Третъен из Реймса, занявший место в первом ряду сбоку так, чтобы случайно не задеть своих товарищей.

⁵ *Скрамасакс* — национальное оружие, двуручный нож-меч длиной от 40 до 75 см. *Лангсакс* — нож-меч для боя одной рукой. Еще Цезарь в войне против конников Галлии использовал вооруженных этим оружием саксов-наемников, которые в общей сутолоке сражения вспарывали лошадям галлов животы. Следует отметить, что больше ни один народ мира не имеет в своем боевом арсенале двуручного ножа.

⁶ Описывается булатный клинок, не имевший в те времена аналогов по гибкости. Например, клинок из знаменитой хорасанской стали арабские разведчики маскировали под вид пояса, застежкой которому служил эфес. В нужный момент пояс «развязывался» и в руках воина оказывался меч. Такой клинок легко рассекал самые прочные европейские панцири и при боковом ударе, случалось, разрубал рыцарский меч. У славян изготавливался по иной технологии и носил название «харлуг».

Но дышал Третъен уже тяжело, и удары стали не такими быстрыми, как в начале боя. Все-таки секира из-за своей тяжести не предусматривает длительного использования.

Повстанцев оказалось слишком много, и неизвестно, чем бы эта ожесточенная схватка закончилась, если бы сами отчаянно атакующие не увидели товарищей, нашедших спасение за камнями. Послышался крик, потом второй, и саки один за другим стали покидать место обильного кровопролития. Граф опустил меч и свободно сбросил на луку седла удила – дело сделано, и сделано неплохо.

Навстречу, со стороны дороги, прямо по трупам павших в бою повстанцев, выехал рыцарь в красном плаще, подоспевший так вовремя. Тяжелый рыжий жеребец под ним фыркал от запаха крови и воинственно раздувал ноздри, готовый укусить любого, кто попадется навстречу. Рыцарь похлопал благородное животное по шее, успокаивая, и снял шлем, обнажив лысую голову и немолодое рыжебородое лицо.

– Кого я вижу! – воскликнул граф, радостно спрыгивая с коня. – Сам Жофруа, герцог Анжуйский, пожаловал к нам на помощь.

– Да, я Жофруа, – сказал герцог несколько сдержанно, непривычный, чтобы незнакомцы разговаривали с ним так, почти по-дружески. – С кем имею честь?..

Граф снял шлем и молча, с улыбкой, выдержал достаточно долгий момент узнавания и изумления.

– Бог мой!.. – У герцога, как стало слышно по голосу, перехватило дыхание. – Да не может этого быть! Неужели?..

– Да-да, дорогой мой герцог. Это и есть я, собственной персоной!

Глаза герцога готовы были лопнуть, так старательно он их выпячивал.

– Граф Оливье? Откуда? С какого, черт тебя забери, света? Не с того ли...

– Почти.

– Ну, теперь-то я не удивлюсь, если через пару лье нам навстречу попадется и маркграф Бретани Хроутланд!

– Хотел бы и я, чтобы это было так... – сказал Оливье, помогая герцогу слезть с жеребца и обнимая его.

– Что это? – резко отнял руку Жофруа. – Кровь? Ты ранен, мой дорогой граф?

В пылу боя, как всегда бывает от излишнего перевозбуждения, рана, хотя и чувствительная, не дала еще себя знать. Только сейчас, когда боевой пыл угас и сменился тихой радостью от встречи с давним другом, граф почувствовал ее основательнее.

– Пустяки. Дротик попал мне под лопатку и только слегка пробил кольчугу. Даже в тело не воткнулся.

Тем не менее, Оливье после объятий богатыря-герцога побледнел от боли.

Жофруа отодвинул в сторону плащ графа.

– В тело не вонзился, но ребро сломал наверняка. Тебя следует немедленно перевязать. У меня в отряде есть отменный лекарь.

– Да. Пусть перевяжет. – Оливье кивнул. – Пусть кровь остановит. Остальное – ерунда. Но меня после других. – Он оглянулся вокруг. – У меня еще трое раненых. Тяжелые. И я попрошу тебя, друг Жофруа, об услуге: король не должен знать о моем ранении.

– Почему?

– Я возвращаюсь к нему воином, а не жертвой.

– Как скажешь... Хотя я лично не вижу причин скрывать такую рану. Она получена, можно сказать, на службе его величества. Или, по крайней мере, по дороге на службу...

– И тем не менее... Тем не менее...

– Договорились.

Глава 2

В то время, когда по дороге в Хаммабург встретились два знатных франкских рыцаря, два пэра двора короля Карла Великого, не слишком далеко от них, по другую сторону Лабы, в Рароге⁷ – столице приграничного славянского княжества бодричей, события разворачивались не менее драматичные, и даже по большому счету трагические. Впрочем, при всей неординарности происходящего народ бодричей воспринимал их почти привычно, потому что жизнь княжества тихой и спокойной назвать было трудно всегда.

Сам город, более информированный, чем остальное княжество, за исключением разве что острова Буян, который франки и прочие германцы звали по-своему – Руюном⁸ и куда сведения стекались со всего мира даже скорее, чем в Рарог, жил с переменным беспокойством уже несколько месяцев. Весть о том, что летом король Карл пойдет на бодричей походом, пришла к славянскому князю Годославу еще в конце минувшего 784 года с обычной скоростью неторопливого купеческого каравана.

Карл вообще размеренной жизни не любил и домоседством (как отмечает личный летописец Карла знаменитый Эйнхард) никогда не отличался. Каждую осень в одном из городов на Рейне, которые он одновременно считал своей равноправной столицей, – в Аахене, в Ингельхайме или в Нимвегене король проводил малый рейхстаг⁹, где намечался план действий на будущее лето. Зима была периодом подготовки. Большой весенний рейхстаг давал возможность откорректировать планы и провести смотр силам. Каждое же лето многочисленное войско Карла отправлялось в поход. То в Испанию, чтобы поддержать сторонника аббасидов Ибн-ал-Араби против отделившегося от багдадской династии омейядского халифа Абд-ар-Рахмана. То против Дезидерия, бывшего тосканского герцога, ставшего королем в сильном королевстве лангобардов. То на покорение опасных юго-восточных соседей аваров. То на усмирение без конца восстающих саксов. То и еще дальше – против славянских и прибалтийских племен. Историки напрасно приписывают идею Крестовых походов инициативе римских пап. Их отцом явился, несомненно, король франков Карл, прозванный Великим за мудрость правления и удачливость в военных экспедициях. Карл никогда не разорял покоренные страны, а присоединял их к своему королевству, заставлял принимать христианство и органично вписывал в стройную для того времени собственную систему управления. И сила его армий была достаточным аргументом, чтобы вера в Христа сменяла иные верования, существовавшие в Европе до той поры. Единственные, пожалуй, иноверцы, которых франкский король терпел на своей земле, были иудеи. В некоторых из франкских городов даже существовали и совершали свои службы синагоги. Но иудеи пользовались такой вольностью по той причине, что король видел в них инструмент финансового благополучия своего королевства, поскольку почти вся торговля громадного государства принадлежала им и только частично фризам, которые входили в состав союза сакских эделингий и время от времени с Карлом повоевывали. Кроме того, Карл использовал иудейских купцов в качестве разведчиков и дипломатов, связывающих его с

⁷ *Город Рарог (Перик, Рюрик)* – столица бодричей (ободритов), находился недалеко от нынешнего города Мекленбурга в Германии. Был сильно укреплен. Имел высокие стены, ров и вал шириной 12 и высотой 5 метров (по данным современников, переведенным в метрическую систему).

⁸ Ныне остров Рюген в Балтийском море, владение Германии. Имел сильно укрепленный город Аркона со знаменитым храмом Свентовита. Центр славянских викингов.

⁹ *Рейхстаг* — при Карле Великом прообраз современного парламента, который, однако, не утверждал решения королевской власти, а получал разъяснения по поводу этих решений и указания к действию на местах. Обычно Карл проводил в год два рейхстага, весенний и осенний. На осеннем намечались планы на будущий год, на весеннем проводилась проверка сделанного, и планы приобретали конкретные очертания.

окружающим миром, до которого по причине дальности расстояний не могло достать тяжелое франкское копье.

Бодричи удар этого копья чувствовали не однажды. Полководцы франкского короля уже пробовали с переменным успехом переправиться через Лабу, разгромили и частично захватили соседнее славянское княжество вагров, оставив в покое пока только их сильную и укрепленную столицу Старгород с небольшими близлежащими землями. Но пока эти набеги носили исключительно грабительский характер и заканчивались иногда успехом, иногда поражением жадных до добычи баронов. Теперь же положение стало более серьезным, если уж сам Карл решил выступить в поход. Присутствие Карла в войске означало проявление его известной неукротимой воли в достижении поставленной цели.

Для бодричей сложность ситуации происходила во многом и из того, что не закончилась до конца другая большая война. Прошлогодня – с соседским славянским же княжеством лютичей, которых поддерживали в этот раз и живущие чуть южнее лужицкие сербы¹⁰, чьих купцов, в угоду своим купцам, рарогский князь не допускал до своих морских портов. Вообще-то, война началась гораздо раньше, она то вновь вспыхивала, то едва тлела, но совсем не затухала. Годослав сначала пытался мирными способами объединить соседей для противостояния франкам и данам. Это не получилось и привело к прямо противоположному результату – к противостоянию братьев по крови. Тогда князь бодричей решил помочь двоюродному брату, своему князю-воеводе Дражке, спорному претенденту на княжеский стол лужицких сербов. Это еще более обострило отношения. В этот раз, опасаясь нашествия франков, Годослав сумел собрать свои силы, соединил их с союзным полком новгородского князя Буриvoja, приславшего вместе с войми своего юного сына Гостомысла, и совершил то, что не принято было делать до него. Князь провел стремительный зимний поход на разрозненные, отдыхающие и не ждущие неприятностей отряды лютичей. И разбил их частями, дав за семь дней шесть скоропалительных сражений. Это было решающей победой года. И хорошо было бы ею воспользоваться следующим летом, к которому снова можно успеть подкопить силы.

Но со всей своей организованной мощью подоспел так не вовремя Карл, и бодричи, ослабленные минувшими войнами, вряд ли могли оказать франкам серьезное сопротивление. Слишком велика была разница в количестве полков, которых могло выставить княжество против королевства, силой объединившего большую часть Европы.

Тяжкая угроза агрессивного христианства нависла над страной реально, и пока не виделось возможности избежать этого. Если только не вмешается в дело Дания – давний и стабильный противник франкского королевства¹¹, к тому же очень заинтересованный в том, чтобы франки бодричей не покорили и не отрезали, таким образом, саму Данию от материка окончательно. И Годослав, поборов личную неприязнь, отправил послов к царственному родственнику – двоюродному брату своей жены Рогнельды – воинственному датскому королю и собирателю земель¹² не менее алчному и азартному, чем сам Карл, Готфриду Скъелдунгу.

Дары для короля были приготовлены немалые. Княжество бодричей, хотя и не слишком велико по размерам, заплатами никогда не блистало. Викинги-бодричи с Буяна регулярно платили Годославу налог частью своей добычи, да и сам князь время от времени финансировал

¹⁰ *Лужицкие сербы (сорбы)* – славянское племя, остатки которого до сих пор проживают в Германии отдельными деревнями, сохранив свой язык и культуру. Культура сорбов близка к русской. Язык же близок к древнеславянскому (не путать с церковностарославянским) и к санскриту, и на слух современным русским человеком почти не воспринимается.

¹¹ Титул императора Карл получит несколько позже, в 800 году с благословения Римского Папы Льва III, и тогда его королевство станет называться Римской империей.

¹² Стремясь противопоставить королевству франков объединенные силы Северной Европы, Готфрид Датский захватил часть Швеции, обязав по договору шведского короля выступать на своей стороне. В этом походе активное участие принимала и армия славян-вагров из Старгорода во главе с князем Бравлином Вторым. Именно славянские дружины захватили и разграбили столицу Швеции город Сигтуну. Кроме того, Готфрид поставил в полную от себя зависимость норвежских королей, которые, в случае войны, тоже были обязаны предоставить войско в его распоряжение.

набеги своих викингов на дальние страны, с чего имел немалую прибыль. А географическое положение обеспечивало сбор податей с купцов, связывающих торговые юг и восток с севером. Но сам образ жизни славян существенно отличал их посольство, например, от посольства, которое отправили бы франки или другие германцы. Бодричи не любили долгих сборов и тяжелых обозов. И потому сели на коней, на запасных приторочили тюки с дарами и отправились справлять свои дела бодрым галопом. Два дня пути до ставки Готфрида, два дня на переговоры, день на дорогу назад – без даров скакать можно и быстрее...

Таким образом, двоюродный брат Годослава князь-воевода Дражко, по матери лужицкий серб, как и сам Годослав, и претендент на сербский княжеский стол, вернулся вместе с посольством уже через пять дней. И доложил результаты переговоров.

* * *

Готфрид решил соблюсти интересы собственной безопасности, внял увещаниям послов, оценив реальность приведенных доводов, и заверил князя бодричей, что немедленно прикажет зависимым от него саксонским эделингам Видукинду и Аббио активизировать свои действия и сковать очередным восстанием основные силы Карла.

При этом Готфрид сообщил, что сам высылает посольство к Годославу, чтобы обсудить другие варианты помощи и обеспечить взаимодействие.

– Я думаю, – сказал князь, выслушав посла и с улыбкой наливая ему большой кубок фряжского вина, – это позволит нам перевести дыхание и собраться с силами. Видукинд и Аббио рождены для лесной войны¹³, как Карл рожден для войны на полях сражений. Передохнем хотя бы до следующего лета и попробуем иначе поставить свои дела...

Князь всегда был волен в церемониях, оставив за боярами право кичиться своим местом в думе. Место же князя было прочным, обособленным, выглядело незыблемым и позволяло Годославу вести себя так, как ему нравится. Высокого роста, сильный, красивый, умный – он был любим в народе и пользовался в дружине непререкаемым авторитетом. Но эта же воля, этот же авторитет вызвали в боярах сопротивление, потому что князь слишком мало обращал внимания на мнение своего традиционного окружения, отодвинув его и приблизив окружение не традиционное – молодых воевод и даже простых воинов. Так и сейчас, он сам налил в кубок вино, хотя ни один боярин не стал бы делать дела, которое обычно принято делать слугам.

– Что скажешь, брат Дражко? Будет так?..

– Мм... Может быть...

Дражко, как всякий настоящий солдат, всегда был мучим неодолимой жаждой и опорожнил кубок до дна всего за пару секунд. Но поставил его на стол с таким громким и демонстративным звуком – будто кинжал в инкрустированную янтарем столешницу воткнул. Годослав понял и без «может быть» – не все так просто в отношениях с самокоронованным¹⁴ родственником – и потому предложил почти с мрачной угрозой:

– Вещай, брат...

Дражко, однако, не спешил и долго вытирал знаменитые усы. По этим великолепным пышным усам, гордости и чуть ли не знамени всей дружины бодричей, любой житель княжества узнавал воеводу издали, когда еще невозможно было из-за расстояния разобрать лица.

– Вещай! – Годослав не повторил, а рывкнул, чувствуя повисшее в воздухе напряжение.

¹³ *Лесная война* — партизанская война, которую применяли саксы против Карла.

¹⁴ Готфрид Скъелдунг был конунгом, но, набрав силу, сам себя провозгласил королем, заставив более слабых конунгов согласиться с этим титулом. Впрочем, он и другим конунгам сразу начал раздавать титулы, принятые среди знати других европейских стран. По принятым в Европе нормам того времени, королевский титул подлежал утверждению Римским Папой. Язычник Готфрид посчитал это лишним, как до него это сделали шведский и норвежский короли.

– Ставр! – вместо ответа дал команду немногословный Дращо.

Из-за спины князя-воеводы выступил, стукнув в пол посохом, молодой и чрезвычайно высокий – выше Годослава – человек в простых одеждах волхва с вышитой на груди семилепестковой посолоной, с традиционным волховским орудием знаний и силы – посохом и, как все славянские волхвы, безбородый¹⁵.

– Мы, княже, на месте уже обсудили с Готфридом все дела, большие и малые... Зачем же понадобилось данам отправлять послов к нам? – Волхв сам задал Годославу и боярам вопрос, хотя они ждали от него пояснений к ситуации. – Их викинги привозят вино такое же густое, как наши викинги привозят нам. Правда, наши женщины варят пиво, мне кажется, более вкусное, чем датские мужчины¹⁶, но я не думаю, что посольство едет сюда только пробовать бодрическое пиво.

Годослав задумался едва ли на секунду.

– Зачем же они едут? – спросил он уже более спокойно, подстраиваясь под раздумчивую речь волхва.

– Готфрид, мы с князем-воеводой думаем, будет ставить свои условия.

– Какие?

Ставр оставил вопрос князя без ответа, только в очередной раз стукнул посохом в пол и склонил голову, показывая этим, что он уже сказал все. Волхв, возглавляя собственную подчиненную князю команду разведчиков, имел в посольстве особые тайные наставления от Годослава. Но сейчас, судя по всему, не торопился выложить, что сумел узнать. И только через минуту добавил, вроде бы и не к князю обращаясь, а словно сам с собой в затруднительном раздумье разговаривая:

– Даны стягивают войска не только к саксонской границе, за которой стоят полки Карла, но и к нашей тоже. И не самые захудалые дружины. К чему бы это?..

Годослав задумчиво постучал ладонью по подлокотнику кресла и неторопливо встал. Великан с кошачьими повадками в каждом движении гибкого сильного тела и потому чем-то похожий на величественного царственного льва, сейчас он олицетворял одновременно и озабоченность, и угрозу, хотя и неизвестно было, кому эта угроза предназначается. Вождь с талантами князя, с его умением мыслить нестандартно и совершать поступки, которых никто не ждал от него, сам один из лучших воинов своего народа, родился в другое время, в другом месте и при других обстоятельствах, сумел бы достичь многого. Ему же досталось только маленькое княжество, остатки некогда сильного бодрического союза племен. И в дополнение к этому такие алчные соседи со всех сторон, как Карл Великий и Готфрид Датский, за которых постарались их предки, оставив в наследство немалую силу и власть. Трудно было Годославу проявить себя так, как он хотел бы. Провидение просто не отпустило ему времени, чтобы восстановить, как он думал, прежнюю силу княжества за счет объединения соседних племен. Мешал этому объединению в первую очередь Готфрид, деньгами и войсками помогая противникам объединения. Не отставал от него и Карл, натравливая одно славянское княжество на другое тогда, когда это ему требовалось, как натравливал их же всех на саксов, когда вел войну с саксами. Римский принцип «разделяй и властвуй» два короля применяли на практике умело. Хотя один из них – Карл – был знатоком римской литературы и римского права, а второй – Готфрид – не умел ни читать, ни писать, оба они умели главное – быть принципиальными, когда это было необходимо, и закрывать глаза на принципы, когда это мешало достижению их целей.

¹⁵ *Посононь* — свастика. *Семилепестковая посононь* — символ волховской магии. *Безбородый* – славянские ведические волхвы, вопреки мнению современных художников, отличались от остальных жителей своих стран тем, что не носили бороду. Бородатыми были волхвы германские и скандинавские.

¹⁶ В Дании и в Германии, в отличие от славян, профессия пивовара издавна считалась мужским занятием. У славян пиво варили женщины – хозяйки дома.

Единственную поддержку Годослав чувствовал издалека. Далеко на востоке, за землями ляхов, лежали владения родственных ильменских словен. Там же, по другую сторону озера Ильмень, лежали и владения таких же родственных русов, раньше входивших в союз бодричей. Словене и русы постоянно воевали друг с другом, русы обложили словен данью. Но во времена мира словене оказывали Годославу помощь своими дружинами, а он оказывал давление на русов, потому что они считались младшей ветвью бодричей и обязаны были слушаться его, как своего князя, хотя в действительности слушались не всегда. Но такую помощь, чтобы противостоять Карлу, никто оказать не мог, даже отправив все свои дружины, что невозможно, на закат, к бодричам. Вот если бы у Годослава имелось в запасе еще лет пять, вот если бы Карл ввязался в борьбу с Готфридом, при которой и одному, и другому монарху было бы не до славянских дел, Годослав сумел бы объединить даже против воли братьев-князей несколько славянских племен. Тогда можно было бы говорить на равных и с франками, и с данами.

А сейчас приходилось вертеться, подобно ужу. Неприятно это, не по душе самому князю с его львиным норвом. Однако обстоятельства оказались сильнее желаний. И он искал пути...

* * *

Прием вернувшегося посольства проходил в парадной горнице княжеского терема, или, как называли его германцы и вообще все западные чужеземцы, Дворца Сокола¹⁷, и присутствовали на нем почти все бояре. Исключение составляли малочисленные бояре-христиане, которые в последние дни старались вообще не показываться в городе, не то что во дворце, боясь обвинений в связях с Карлом Каролингом. Князь понял, что Ставр, обычно знающий гораздо больше, чем желает показать, не хочет говорить при боярах, откровенно склонных к более тесному союзу с данами. И потому не настаивал. Поняли это же и сами бояре. Легкий недовольный шепоток, подобно шелестящему ветру-сквозняку, пробежал меж сидящими, но задавать вопросы при князе никто не решился.

Князь величественно мотнул крупной головой, отбрасывая за плечи длинные густые волосы.

– Благодарю вас за успешно выполненное дело! – сказал он торжественно и величаво, как умел говорить. – Дух Свентовита¹⁸, должно, незримо витал над вами все время переговоров и помогал найти нужные слова, которые дошли до ума и души моего царственного брата Готфрида. А сейчас, – князь широко и светло улыбнулся, резко меняя тембр голоса на обыденный и простой, – прошу ко мне в охотничий дом – попробовать фряжское вино, что только вчера привезли с Буяна. Попросту, без церемоний... Пошли...

И насмешливо-гневно, с вызовом, но и с пренебрежением глянул за спины послов в зал на бояр, сидящих, как им и положено, одесную стену от княжеского кресла, устроенного на покрытом ковром приступе. Такой резкий переход от высоких слов о Свентовите к запанибратскому приглашению выпить не мог не шокировать думных старожил, и Годослав шел на это откровенно умышленно.

Манера общения с подданными и неуважение к церемониалу раздражали многих верных сподвижников отца Годослава, а именно из них и состояла вся боярская дума. Отец старался подражать европейским владетельным домам. Но молодой князь в общении был прост так же,

¹⁷ *Рарог, или Рюрик, или Рерик* — священный Сокол славянских вед, воплощение Огнебога-Семаргла. Герб Годослава, как и будущего новгородского князя Рюрика, – трезубец: это геральдическое изображение атакующего Сокола. Дворец же Сокола описан средневековым хронистом Адамом Бременским по рассказам других людей, поскольку сам Адам Бременский никогда княжество бодричей не посещал. Впрочем, рассказы с чужих слов постоянно использовались в средневековых хрониках.

¹⁸ *Свентовит, Святовит, Святогор* — в ведической троице соответствует христианскому Духу. Свентовит – сын Рода, олицетворяющего Вселенную, хранит ось, вокруг которой вращается Колесо Сварога, то есть Небо.

как бывал необуздан в гневе, и поступать предпочитал тоже не в соответствии с введенным этикетом, а по велению момента, не заботясь, как и сейчас, о мнении, которое оставит.

Князь увел в охотничий дом только Дражко и Ставра.

Сам дом – небольшой пристрой во дворе, где в большой передней горнице содержались клетки с княжескими охотничьими соколами, за которыми князь любил ухаживать сам, а во второй содержались пять быстрых охотничьих пардусов¹⁹. Там же Годослав развешивал по стенам свои охотничьи трофеи и трофейное оружие, добытое в сражениях. Пристрой находился в полуста шагах от парадной горницы.

Главное совещание прошло там...

* * *

Даны отправили к Годославу большое посольство, возглавляемое родственником короля Готфрида и княгини Рогнельды герцогом Трафальбрасом, личностью во всей Северной Европе широко известной, несмотря на молодость. И в самой Дании и за ее пределами герцога обычно звали просто Сигурдом. Сигурд умудрялся успешно совмещать службу у короля с ремеслом удалого и удачливого викинга, за что пользовался уважением в среде самых отчаянных воинов и любовью в простом народе Дании. В городах Англии этим именем пугали непослушных и капризных детей, обещая отдать их пирату Сигурду.

Встречать посольство в недалекую от границы Свентану²⁰ выехал сам князь-воевода Дражко, раз уж он начал первые переговоры и добился в них какого-то успеха. В сопровождение напросилась сиятельная боярская свита, без которой сам князь обошелся бы с большим удовольствием. Но уважить родовитую знать пришлось. И без того они много смуты сеяли в умах рарогчан. А если отстранить их и от этого дела, недовольства прибавится стократ. В тяжелое время лучше обходиться без всякого недоброго брожения умов.

Кроме того, у князя Годослава было основательное опасение, что без Дражко встреча посольства может выглядеть несколько иначе, нежели с ним. У Ставра появились верные данные об определенной подготовке опасных северных соседей к этой поездке. И Дражко, как и положено князю-воеводе, тоже подготовился к мероприятию основательно.

Место встречи выбрали не случайно. В богатом храме Свентаны сакральный огонь поддерживался неугасимым на большом плоском валуне идеального черного цвета, в неизвестные времена привезенном со Святой горы²¹. В эту гору превратился Святогор, когда не смог поднять большой черный камень Велеса²². После этого Святогор стал Свентовитом. Камень-

¹⁹ *Пардус* — гепард. В славянских княжествах широко применялись для охоты, как самые быстрые звери в животном царстве. Пардусы легко и прекрасно дрессировались и никогда не нападали на человека. Азиатская разновидность гепарда отлавливалась в южнославянских степях. Со временем была полностью истреблена. Последнее упоминание об использовании гепардов на охоте относится ко временам Ивана Грозного. В настоящее время популяция гепардов успешно восстанавливается в заповеднике Аскания-Нова.

²⁰ Славянский город-крепость Свентана, окруженный каменными стенами, что вообще-то для славянских городов редкость, был расположен приблизительно в районе современного немецкого города Прец. Некоторые историки выдвигают версию, что название город получил от того, что его основали свеи, то есть шведы. Однако более достоверной выглядит версия, что название города связано с известным во всей Прибалтике богатым храмом Свентовита. Свентана имела важное военное значение для княжества бодричей, поскольку перекрывала самую удобную дорогу от Дании на материк. Существовал и другой путь, через Эльбу, но там всегда можно было ожидать столкновения с саксами или с франками. Путь через Эльбу устраивал драккары викингов, но отнюдь не купеческие караваны.

²¹ По приказу Гитлера, немецкие археологи уже в двадцатом веке тщетно пытались разыскать этот камень. Гитлер, как известно, был неравнодушен ко всему ведическому.

²² Согласно славянским ведам, Святогор не смог поднять черный камень и превратился в гору Арарат. Его дух в это время освободился и стал Святым Духом, третьим лицом Триглава, славянской Троицы, которая обозначалась как «Сварог – Перун – Свентовит». В «Книге Велеса» говорится «Сварог и Перун – есть в то же время Свентовит». То есть ведическая Троица едина точно так же, как христианская. Следовательно, уже невозможно называть славянскую ведическую веру языческой, поскольку она признавала единство Бога, считая всех остальных Богов только проявлением отдельных граней Создателя.

алтарь – часть того самого большого камня. Даны, как и свеи, и норвеги, уважали славянскую святыню, несмотря на то что поклонялись своему Одину. И думские бояре настояли, чтобы Дражко сначала сводил послов в храм Свентовита на поклонение. Пламя священного огня чистит душу паломника – так утверждали волхвы храма. Того, кто не выбросит из головы дурные намерения после свидания с черным камнем, говорили они, ждут большие несчастья.

Вместе с воеводой и боярами отправился навстречу послам и волхв Ставр, однако послы не увидели его высокую фигуру среди встречающих. Очевидно, волхву понадобилось по дороге свернуть куда-то в сторону по своей неведомой надобности. Впрочем, к неожиданным исчезновениям и столь же неожиданным появлениям Ставра все в окружении Годослава давно привыкли, и потому беспокойства никто не высказал. А сам Ставр предпочитал общаться и с Годославом, и с Дражко через своих гонцов, коих всегда слал множество, сообщая каждую новость, чтобы ни одно событие не осталось незамеченным и не привело к внезапным последствиям.

Бодричи встретили посольство перед воротами Свентаны, выстроившись пешими в три ряда поперек дороги. Только один Дражко остался на коне, что позволял ему его княжеский титул. И только он один среди всех встречающих оказался опоясанным мечом, к чему обязывала его должность воеводы. Все остальные, в знак уважения и доверия, вышли к воротам безоружными.

Впрочем, князь-воевода, при всем своем показном характере бесшабашного рубаки, не всегда был прост. Он спрятал в знаменитые усы лукавую улыбку, хотя за такими усами легко спрятать даже гримасу отвращения, и, не поставив в известность встречающих посольство бояр, расположил на привратных башнях и на стенах около сотни готовых к бою стрельцов с осадными тулами²³. Стрельцы получили точные указания по поводу своих действий. И готовились их выполнить. Помимо того, воевода приказал быть в полной готовности и полностью оружейной городской дружине, но этим показываться на глаза послам пока запретил.

Вечером, когда в небе намеком начали сгущаться серо-розовые сумерки, обещающие на завтра ветреную неустойчивую погоду, на широкой каменистой дороге, жизненно-важной артерией соединяющей Данию с материком, появилось, наконец, посольство. Даны ехали не торопясь, с чувством собственной значимости. Десяток верховых вельмож во главе с герцогом Трафальбрасом, в сопровождении полусотни скованных броней воинов охраны, что по беспокойным временам было не слишком много. Настолько не много, что просто не могло не навеять опасения, что следом прибудет гораздо большая охрана, возможно, с осадными орудиями вместо арбалетов. Потому что каменные стены небольшой Свентаны крепки, и пробить их можно только стенобитными машинами. Да и вообще, когда рядом беспокойная граница, нет гарантии, что какой-то франкский барон, изголодавшись в многолюдной ставке короля Карла, не пожелает пополнить свои запасы по другую сторону Лабы и не отправится с небольшим отрядом на разбойничий промысел. А уж две повозки, следующие за послами, наверняка привлекли бы внимание падких на чужое добро европейских рыцарей.

Послы данов с Дражко были хорошо и давно знакомы. Герцог Трафальбрас, среднего роста, но необыкновенно мощный, почти бочкообразный воин лет двадцати пяти, выехал вперед, лениво и со слегка надменной улыбкой поднял руку в общепринятом мирном приветствии. Даже в этом жесте чувствовалась высокомерная сила и уверенность в себе и в королевстве, которое осталось за его спиной. Лицо и продуманная легкая небрежность в одежде полномочного посла показывали однозначно – старший и сильный приехал к младшему и слабому. И от радушия встречи, от простого настроения сильного зависит, пожелает ли он защитить слабого. Даже бояре, чинно стоявшие поперек дороги, прочитали это в ситуации и молча переглянулись

²³ *Тул* — круглый футляр для стрел. На Руси колчан, вопреки мнению художников, рисующих богатырей, появился только в XVI веке. До этого использовались тулы, сделанные из бересты или из кожи. В обыкновенном туле содержалось около двадцати стрел. В большом походном более пятидесяти, в осадном, который ставили на стенах, до двухсот стрел.

с неодобрением, которое они не смели высказать вслух. Большинство из них давно поддерживало прочные родственные и деловые связи с данами и всегда старалось уверить князя в необходимости более тесной дружбы с сильным покровителем. Но характер Годослава они знали достаточно и опасались, что он в собственной гордыне, подбиваемый амбициозными тщеславцами, которыми себя окружил – молодыми, как сам он, и еще мало понимающими в политике и в окружающих людях, может не принять отношений, которые выходят за рамки равных. А иных между маленьким княжеством и вторым, если не равным первому по силам, королевством Европы и быть не может. Третья европейская сила – Византия – настолько далека от северных широт, изъедена внутренними червоточинами и озабочена решением своих немалых внешних проблем, что ее во внимание никто не принимал.

Дражко повторил жест приветствия так же небрежно, словно скопировал манеру поведения герцога, спрыгнул с коня и сделал несколько широких шагов навстречу Сигурду.

– Я сердечно рад приветствовать высокородного герцога на земле бодричей, – усы не мешали воеводе говорить достаточно громко. Сам он выражал спокойствие и достоинство, словно не замечал слегка оттопыренной губы посла и его не до конца застегнутого камзола. Но и излишнего подобострастия не выразил. Равный встретил равного – так однозначно выглядело это. Даже герцог понял ситуацию. Сигурд, сам воин, уважал в князе-воеводе знаменитого бойца, дипломата и полководца. И вынужденно, хотя по-воински вальяжно, покинул седло точно таким же движением, каким это сделал Дражко.

– Оставим церемонии, князь, до приезда в Рарог, – предложил герцог, на ходу меняя явно заранее продуманную линию поведения, показывая свое умение подстроиться под ситуацию. – Мы слишком недавно расстались, чтобы я начал, как подобает при встрече, расспрашивать тебя о здоровье и благополучии твоём и всей княжеской семье...

Сигурд, при всей массе своего тела, подошел стремительно и, внешне, с искренней радостью, но все же несколько секунд помедлил, ожидая чего-то со стороны воеводы, а потом неохотно протянул руку первым.

Дражко пошевелил в улыбке усами и не сразу ответил на рукопожатие. В иерархической лестнице княжеский титул во всех европейских странах приравнивается к титулу принца, что, естественно, более значительно, чем герцог. Следовательно, Дражко мог принять рукопожатие, а мог и отказаться от него, хотя и представляет он сторону слабого перед сильной стороной. Свое положение он и продемонстрировал паузой, к личному удовлетворению и к неудовольствию бояр, которые пока не смели двинуться навстречу посольству, чтобы чем-то не обидеть Сигурда.

А герцог, не замечая бояр, как не заметил бы простой люд славянского города, взял Дражко под руку и так, вместе, прошли они через мост к городским воротам. Однако нрав и глаз опытного воина Сигурд все же показал.

– Я вижу, ты хорошо подготовился, князь, к нашей встрече, – сказал он, показывая на стены.

Там, уже не заботясь о том, что видны боярам, стояли с луками в руках стрельцы и смотрели на встречу посольства. Не каждый день доводится полюбоваться таким зрелищем в провинциальной Свентане.

Дражко уловил двусмысленность в речи герцога и даже некоторую нотку раздражения – Сигурд и не пытался скрыть свои чувства. Значит, стрельцов на стены воевода поставил не напрасно. И еще это значит, что уже подошло время к выполнению и второй части приказа, опять же тайного от бояр. И тоже приказа с двойной целью.

Князь посмотрел на стену, откуда за ним внимательно следили, и дал отмашку рукой, подавая стрельцам условный сигнал. И тут же остановил Трафальбрасса прямо перед тяжелыми створками ворот, обернулся сам и заставил тем самым обернуться герцога.

– Что? – спросил Сигурд.

– Потерпи! Сейчас! – слегка таинственно ответил воевода, не без успеха силясь изобразить высокую торжественность и естественное простое радушие. – Мы рады приезду высоких гостей и приготовили им праздничную встречу! Смотри!

Стрельцам не требовалось много времени, чтобы поджечь обмотанную паклей стрелу. У каждого из сотни было приготовлено по четыре таких стрелы. Мастерство славянских лучников известно во всей Европе, и все европейские воины восхищаются умением славян выпускать стрелы одну за другой, чего, однако, никто повторить не может, не имея славянского лука²⁴.

Вечернее небо вдруг раскрасилось праздничными огнями. Создалось впечатление, будто четыреста стрельцов выпустили стрелы одновременно в какую-то единственную, только им одним видимую в подоблачье цель. Горящие молнии сошлись вверху клином, а затем этот клин распался на веер, уходящий в горизонт, куда-то в сторону Дании. Плохо пришлось бы тому, кто оказался на дороге, когда стрелы начали падать. А упасть на дорогу они должны были обязательно, именно такое наставление давал Дражко своим воинам.

Судя по волнению, которое Сигурд попытался скрыть, прикрываясь восхищением от салюта, и по взглядам, которыми герцог обменялся со своей свитой, опасения воеводы имели под собой верные основания. Трафальбрасс сначала побледнел, а потом и позеленел от злости.

Воевода же был искренно рад, что угодил гостю, усы его топорщились больше, чем обычно, улыбка озаряла широкое скуластое лицо – он снова поднял руку. Новый поток из четырехсот стрел устремился в небо. За ним третий. Выглядело это красиво, эффектно и могло вызвать только одобрение среди послов и в народе, который, принарядившись по-праздничному, вышел понаблюдать за торжественным приемом. Но и Дражко и Сигурд знали, что тремя залпами целенаправленно накрыт большой участок дороги. Конечно, в это время суток в приграничной зоне проезжим делать нечего. И беспокоиться герцогу, стало быть, вовсе не от чего. Однако Трафальбрасс заметно нахмурился.

– Прошу, герцог... – протянул Дражко руку, указывая на вход в город. – На рассвете в храме Свентовита специально для дорогих гостей будет устроена большая служба. Повторяю – специально! Потому что обычно здесь большая служба проходит только один раз в год²⁵. В честь вашего приезда мы передвинули праздник на две недели вперед.

– Да, – с явной угрозой кивнул головой Сигурд, – я давно уже хотел посетить этот храм и задать Свентовиту кое-какие вопросы...

– Он ответит тебе... – в голосе Дражко угроза перемешалась со смешком. – Надеюсь, ответом ты будешь очень даже удовлетворен. Свентовит всегда говорит только правду, хоть другу, хоть врагу, хоть простому проезжему, не верящему в наших богов...

Герцог задумался только на несколько мгновений, а потом быстро шагнул за ворота – в город...

²⁴ Сложный славянский лук делался по высокой для тех времен технологии и многократно превосходил по своим боевым качествам все европейские луки. Сказки об английских стрелках придуманы английскими романистами. К сожалению, не нашлось романистов, воспевавших русский лук. Однако исторические факты говорят о том, что славянские (впрочем, как и арабские) стрельцы превосходили всех европейцев и по дальности, и по точности выстрелов. Это даже решало судьбу целых сражений и останавливало порой целые нашествия. Так, в 1252 году русские лучники остановили нашествие Миндовга Литовского, перебив наемных немецких арбалетчиков, даже не подпустив их на дистанцию стрельбы из арбалета. А английский лук значительно проигрывал арбалету по дальности стрельбы.

²⁵ Четырехликий идол Свентовита традиционно держал в руке большой рог, в который осенью наливалось вино. Предсказание осуществлялось на весеннем празднике. Если год был сухим и вино испарялось сильно, Свентовит, следовательно, предсказывал плохой урожай. Во влажный год испарялось мало вина. Урожай обещал быть хорошим. Подобные предсказания Свентовита полностью укладываются даже в методики современных метеорологов. Именно эта служба считалась большой, потому что вел ее, в отличие от других служб, сам верховный волхв храма Свентовита.

* * *

Так, пешком, прошли они через небольшой город до покоев, отведенных послам. Слуги вели коней на поводу далеко за спинами двух вельмож. У порога Дражко распростился на несколько часов с герцогом, посоветовав последнему хорошенько отдохнуть до рассвета, а сам отправился в воеводское подворье, а вовсе не к гостевому дому, как раньше договаривался с боярами, и где они уже приготовились, возмущенно брызжа слюной, высказать ему свои претензии. Уже в подворье воеводе доставили подарок от Трафальбрасса – залитую в горлышке воском добрую амфору греческого вина. Посыльный дан-воин из посольской охраны ждал воеводу, не решаясь оставить амфору на попечение слуг.

– Вот это подарок так подарок! – воскликнул Дражко, оправдывая рассказы о своей извечной жажде, и усы его от радости задрались кверху почти до самых бровей. Такая картина не могла не поразить дана, и он даже рот раскрыл от изумления.

Тут же воевода потребовал себе большую берестяную кружку, которую подали незамедлительно. Князь пригубил ее в присутствии посыльного.

– А-а-ах... Передай Сигурду мою благодарность. До утра мне этого хватит. А утром, после посещения храма, мы с ним вместе что-нибудь еще придумаем.

Посыльный вышел, и воевода тут же выплеснул вино в деревянный жбан у двери.

– Не до того мне сейчас, дружище герцог, – сказал он со смехом и спросил встретившего его воя, оперевшего руки на рукоять полэкса:

– Что, Годион, от Ставра вестей не было?

– Пока нет, воевода. Ждем.

– А с дороги?

– Тоже ждем. Наблюдатель вот-вот прибудет, если только его самого стрелами не накрыло.

Дражко неодобрительно крякнул:

– Эх еще... И такое может быть?

Годион пожал плечами.

– Вообще-то, он в камнях спрятан. А сверху несколькими щитами прикрыт. Но хорошая стрела, как ты знаешь, и щит насквозь пробивает, и воина в доспехах навьлет.

– Да, такое мне приходилось видеть не однажды.

Дверь без стука отворилась, и боком, споткнувшись о порог и едва не свалившись на пол, вошел сутулый старик-нищий в драных посконных лохмотьях.

Воевода встретил его приветливо.

– Какие новости, Скурлата?

Сутулый старик, побряхтев с устатку, выпрямился и ответил совсем молодым голосом:

– Сигурд отправил посыльного. Тот погнал коня сразу за воротами так, словно спасался от толпы монахов, которые собрались его окрестить. Только его и видели! Но до этого посыльный от имени герцога предупредил привратную стражу, что вот-вот к послам прибудет еще один гонец – от короля.

– Прибудет ли? – поинтересовался Дражко.

– Посмотрим... Ставр хорошо видит ночью... Кроме того, поперек дороги натянуты цепи. Любой конь может споткнуться о них. А уж при хорошем алюре – обязательно. Это проверено.

– Будем ждать вестей. Отдыхай...

И князь-воевода начал мерить горницу своими тяжелыми шагами – в одну и в другую сторону. Так ему лучше думалось, и так быстрее летело время. Он сам не осознавал, что пере-

нял эту привычку у своего брата князя Годослава. Точно так же, как перенимал у него многое другое.

Через четверть часа в дверь постучали. Скурлата сгорбился и опять превратился в старика-попрошайку.

– Войди, кто там... – сказал князь.

Вошел запыленный, но улыбающийся вой.

– Ты с дороги?

– Только что прискакал.

– Вещай.

Вой перевел дыхание, но речь ему далась с трудом. От быстрой скачки так не задыхаются, потому что скачка – это не бег в полном вооружении. Вой задыхался от радости и восторга.

– Трудно, княже, о таком сказывать. Об этом Ставр сказания петь следует. Такое надо собственными глазами видеть, чтобы понять и ощутить, что даны пережили. Там было около сотни солдат и пара сотен викингов. Их накрыло второй волной стрел. На первую они смотрели, разинув рты, чуть не зевая, и не понимали, что это такое в небе творится. Но первая ушла вперед, чуть не на нас. И с третьей дорогим гостям немного досталось. Кто подтянуться еще не успел.

– И как? – усмехнулся воевода. – Небесное угощение, полагаю, пришлось данам по душе?

– Около трети пострадало. Убитых больше, чем раненых, они шли без шлемов и не ожидали такого подарка. Но еще больше испугались...

– Добро. Что-то еще? – спросил воевода, заметив, что воин не торопится уйти.

– Мы перехватили посыльного герцога к предводителю отряда. И посыльного короля к герцогу. Они слишком неосторожно скакали по ночной дороге. Кони переломали ноги, и коней нам пришлось добить, чтобы не мучились. А самих посыльных, чтобы не отставали от наших лошадей, привязали к хвостам.

– Где они?

– За стеной. В город доставлять не стали – Ставр не велел. Здесь, он сказал, слишком много посторонних глаз да ушей. Особенно боярских.

– Это я знаю. Допросите сами. Я на улицы выходить не буду. У меня вина на всю ночь припасено... – похлопал Дражко амфору по глиняному глазурированному боку. – И чтобы никаких следов не оставалось... До начала службы пришлите кого-то с докладом...

Вой ушел, но дверь за ним не успела закрыться, как за порог ступил другой.

Воевода поднял глаза, молча ожидая доклада.

– Мы привезли шестерых франков, княже.

– Тяжело они дались?

– Нет. Это фуражиры. Совсем к серьезному бою неготовые. Грабили саксонскую деревню. Но мы и там решили врукопашную не вступать – как-никак, не наша земля, и неизвестно, что там может случиться и кто может еще подоспеть. Недалеко проскакал сильный отряд во главе с рыцарем. Тех мы, конечно, пропустили. А фуражиров просто перебили стрелами.

– Хорошо бы привезти какого-то рыцаря. Чтобы без сильного отряда был. Ну, ладно. Уж какая рыбка попалась – ту, значит, Чернобог и послал. Годион, – задумчиво сказал Дражко, – отправь двадцать человек конных – пусть проскачут дважды или даже трижды мимо окон герцога. Потом или кого-то пошли, или, лучше, сам сходи к Сигурду. Передай от меня сообщение, что недалеко от города видели издали отряд франков. Послали погоню.

– Сделаю, воевода, – кивнул Годион, перебросил тяжелый топор в другую руку так же легко, как простые вои и ополченцы перебрасывают свои легкие боевые топоры²⁶, и вышел.

²⁶ Большой боевой топор был в средневековых армиях редкостью и стоял на вооружении конных рыцарей, которые били

– Ты был в храме? – спросил князь Скурлату.

– Верховный волхв слышать не хочет о подмене. Сказал, что будет говорить все, что скажет ему сам Свентовит. Свентовит не бросит, говорит, бодричей на произвол судьбы.

– Пусть будет так, – кивнул согласно Дращко. – Будем надеяться, что Свентовит на нашей стороне и не подведет. Не подвел бы конь...

Но в голосе его надежды было не много. Князя бодричей уже в третьем поколении, как только разогнали вече, традиционно не ладили с волхвами своих храмов, и потому найти общий язык им не всегда удавалось.

– Свентовит не захочет помогать людям Одина...

– А где пасутся храмовые кони?

– Я, воевода, этого не знаю, хотя понимаю, что тебя интересует. Ставр на это не пойдет.

Он не будет ссориться с храмом. И правильно...

В ответ на такое проявление веры Дращко только пожал плечами и попросил:

– Я немного отдохну. Будут важные вести, буди меня. С пустяками разбирайся сам.

– Сделаю, воевода...

Глава 3

Из свиты никто сейчас не знал, о чем думает король. Хотя обычно окружение монарха давно привыкло угадывать его мысли и последующие слова по едва заметным оттенкам взгляда, по нечаянной паузе, по манере обращения к свите или к посторонним. Близкие люди своего короля знали хорошо и старались пользоваться этим знанием, как рабочие пользуются своим привычным инструментом. Впрочем, франкский двор не составлял исключения из общего правила. Точно так же обстояли дела в каждом владетельном доме любой страны испокон веков.

Сейчас Карл выглядел рассеянным, словно был озабочен какой-то долгой, утомившей его проблемой, и часто сердито помахивал перед лицом перчаткой – отгонял надоедливых, как сами саксы, саксонских комаров. Комары, опять же как саксы, понимать его не хотели и кружились вокруг королевской головы назойливой писклявой тучей. Точно так же отряды саксов кружили вокруг королевской армии, в сражения не вступая, а лишь нападая на небольшие отряды или на обозы, но, тем не менее, причиняя громадный ущерб. И так на протяжении многих лет.

Проезжая низким песчаным берегом, Карл сказал тихо, словно бы мимоходом:

– Здесь не слишком приятно пахнет. Хорошо, что я надумал поставить палатку подальше.

Король еще несколько часов назад выбрал место для своей ставки – на холме, с вершины которого было видно и город, и реку, и... заречье...

– Обязательно заречье! – добавил он, когда давал указания.

Если король говорил «обязательно», – значит, он не первый день думал именно об этом, – свита хорошо изучила нрав монарха и обычно понимала его с полуслова.

– Сколько отсюда до моря?

– Полудневный перегон для хорошей лошади, государь.

– Хорошо. Это то, что надо...

Король впервые приехал в Хаммабург. Но не пожелал расположиться в этом захолустном городишке, который пока только начал обустраиваться на левом берегу Лабы. Большая местная скотобойня, что построили оборотистые фряжские купцы, покупающие скот в славянских землях и продающие соленое и копченое мясо как для нужд королевской армии, так и датским морякам, несла слишком неприятный запах. Неприятные запахи и комары – это то небольшое, что Карл переносил с трудом. Дальние походы, бессонные ночи, сутки не покидать седла – это все ему даже нравилось. Но комары и тошнотворные запахи короля всегда раздражали. Единственно, запахи лошадиного и воинского пота, так похожие один на другой, он к неприятным никогда не относил, привычный к ним с детства. Запах же человеческой крови короля возбуждал, заставлял шире раздувать ноздри и вызывал желание схватиться за меч. К этому запаху Карл относился точно так же, как любой боевой конь. Но запах крови скотины имел другой оттенок и раздражал.

На высоком правом берегу, прямо против пристани и пристроенного к ней длинного деревянного здания купеческих складов Хаммабурга, располагалось какое-то поселение славян. По размерам более обширное, чем новый франкский городок в Саксонии, первоначально основанный только для того, чтобы организовать здесь епархию, и уж значительно более старое, судя по почерневшим от времени одноэтажным строениям, облепившим склон горы. Сейчас в голову короля пришла новая мысль, и он начал ее усердно обдумывать. Поселение на противоположном берегу расположено хорошо. Более хорошо, чем Хаммабург. Но славяне не посягают на саксонские владения Карла. Это он посягает на владения славян – бодричей или вагров, Карл даже не знал, кому принадлежит правобережный городок. В данном случае славяне никак не помешают осуществлению королевских замыслов, а могут и помочь в будущем.

К примеру, на следующий год, когда здесь начнется большое дело и понадобятся сильные руки. На саксов пока надежды мало. Судя по тому, что они не могут даже свое государство как следует организовать и создать централизованное управление всеми саксонскими эделингиями, на этот народ в государственном строительстве, в осуществлении больших и далеко идущих планов, особо полагаться не следует. Может быть, лучше пойдет дело со славянами, которые лишь между собой не ладят, а в остальном смотрелись бы добротной провинцией в сильном и едином всеевропейском королевстве. Присоединив славянские княжества к своей державе, Карл научил бы их и между собой договариваться, как случилось с другими государствами.

Карл долго стоял у реки, всматриваясь в спокойные зеленые воды. Ему казалось, что он видит перед собой картины будущего. Не завтрашнего, а более далекого. Казалось, что слышит шум большого города, доносящийся сквозь толщу не пришедших веков. И не пару парусов небольших судов, как сейчас, а множество, великое множество различных и по форме, и по размеру парусов, различные флаги на мачтах... Может быть, он в самом деле видел – такое случилось уже с королем. Но однажды он рассказал о своих неясных видениях Людовику, архиепископу Реймскому, и тот долго не давал Карлу покоя, заставляя повторять историю видений. Желал выяснить, откуда это к королю приходит. И сам косился недоверчиво при каждом новом вопросе. В конце концов Карл резко оборвал священника и запретил ему разговаривать на эту тему. Со священниками обращаться следует только так, иначе они покоя не дадут, – это Карл давно понял. Но больше ни с кем не делился своими ощущениями.

– Хаммабург будет там, – показав пальцем на противоположный берег, сказал Карл свите. Твердо сказал. – Там удобнее и приставать кораблям, и, самое главное, на том берегу удобнее корабли строить. Берег хороший.

Свита впервые услышала, что король задумал строить здесь корабли. Разговоры о необходимости создания своего флота в противовес кровавым викингам всех национальностей – данам, норвегам, балтам, славянам и совсем уж жестоким сарацинским пиратам – шли давно. И даже заложены были верфи. Но пока только на старых территориях. А теперь – здесь, под носом у датчан – решение неожиданное и, все понимали, верное. Тем более что, построив город, Карл отрезал таким образом от датчан земли союзников, славянское племя вагров со столицей Старгородом. Теперь и с ваграми справиться будет легче, если не подпустить к ним всегдашнюю помощь из Дании. А обычно эта помощь приходила именно по Лабе.

Свита, не зная тонкостей замыслов короля, просто поклонилась в ответ.

Карл был ростом чуть выше среднего²⁷, хотя телом и крепок, но любил, когда его окружают люди богатырского телосложения. И, разговаривая с ними, всегда вынужден был поднимать голову вверх. И уже одно это делало его осанку величественной.

Пешком обойдя по периметру весь новый небольшой город, потом прогулявшись по его узким и кривым улочкам, король подал знак. Ему тут же подвели рослого белого жеребца с длинной огненно-рыжей гривой – такой необычной масти не встречалось среди лошадей всего королевства! – и он легко, не касаясь стремени, запрыгнул в седло. Отягощенным доспехами воинам свиты на это потребовалось больше времени.

– Мою палатку уже установили?

– Очевидно, да, государь, – ответили королю. – Должны уже успеть. Если еще не сделали, то к вашему приезду на холм палатка будет на месте.

– Хочу посмотреть место. Поехали. Показывайте.

Он всегда был таким. Говорил коротко и по существу. Быстро претворял в жизнь все, что приходило в голову. Не любил откладывать дела на потом и своим придворным не прощал

²⁷ Многие народные сказания и песни рассказывают о Карле Великом как о великане и силаче, что совсем не соответствует действительности. Рост короля нетрудно проверить по двум его изображениям, сохранившимся до настоящего времени: по мозаике в Латеране и конной статуэтке, хранящейся в соборной ризнице в Меце.

пренебрежения делами. Король сам олицетворял порядок, который он старался ввести в своем королевстве. Иначе он не мог бы требовать соблюдения порядка от других.

Дорога под копытами коней лежала мягкая, травянистая и лишь слегка примятая колесами телег и возов и копытами животных, окруженная с двух сторон по-весеннему светлой рощей. Трели птиц неслись из зарослей. Природа радовалась своему очередному обновлению, и это настроение, как обычно бывает, легко передавалось проезжающим здесь людям, неся ожидание чего-то доброго и значительного.

Карл такое состояние знал хорошо, он всегда в это время года жил ожиданием пришествия нового, необычного, радостного. Но он отлично знал и то, что радость спешит навстречу только тому, кто сам делает шаги к ней и прилагает необходимые усилия. И потому он усилия всегда прилагал, когда обстоятельства позволяли это сделать, и немалые. А позволяли они не всегда. Сначала его усилия жестко ограничивал властный и властолюбивый собственный отец – тот самый Пипин Короткий, который вначале, точно так же, как и его отец, дед будущего короля Карла, Карл Мартелл по прозвищу Молот, был всего-навсего майордомом при ничтожном короле Хильдерике III из династии Меровингов. Пипину в конце концов сильно надоело кланяться человеку, которого он всей душой презирал, и он – действительный и неоспоримый обладатель власти и силы в королевстве! – договорился с Римским Папой Захарией. И вот с согласия Папы в Суассоне собрался съезд духовных и светских сановников²⁸. С подачи Папы Захарии, архиепископ Майнцский помазал и венчал на престол Пипина. Бесправный и бесславный Хильдерик был отослан доживать свой век в монастыре.

Начала существовать новая династия франкских королей!

Характер Пипина существенно отличался от характера старшего сына. Первое время, случалось, своему отцу Карл делал немало интересных предложений. Пипин отказывался только потому, что не додумался до очевидного или необходимого сам. Это была жестокая ревность завоевавшего себе трон и власть собственным умом и энергией к тому, кто власть не завоевывал, но должен получить ее по наследству от завоевателя. Они понимали друг друга далеко не всегда. Карл потом часто вспоминал отца и старался во всем быть не похожим на него. Если венценосный отец любых советов и советчиков терпеть не мог, и всегда действовал только по своему усмотрению, то Карл, получив в руки власть в возрасте двадцати шести лет²⁹, обычно сначала выслушивал свое окружение. А его он долго подбирал, исходя из деловых качеств, а не по знатности рода. Потом брал время, обычно короткое, на раздумья, взвешивал все доводы и совершал свой королевский выбор.

– Зачем же нужны советники, если они не будут советовать... – подсказывал он неназойливо своему младшему брату, который во всем подражал отцу.

После смерти Пипина королевство было разделено между двумя сыновьями – Карлом и Карломаном. Карломан походил на покойного родителя не только характером, но даже внешне, и старшему брату трудно было найти с ним общий язык. Так младший не пожелал даже откликнуться на просьбу старшего о совместных действиях против Гунальда Аквитанского, который хотел воспользоваться смертью Пипина и укрепить свое положение. Карл справился с герцогом сам. Но и в дальнейшем Карломан слушать советов старшего брата тоже не хотел. Когда Карломан умер³⁰ после недолгой болезни, все вельможи его королевства присягнули Карлу, а не малолетним наследникам младшего брата. Вот тогда Карл почувствовал, как много он может, когда действует без помех, по собственным выработанным разумным принципам – единственный властитель в большом и мощном государстве, которое, казалось, только и дожидалось волевого и разумного правителя, чтобы расцвести и стать сильнейшей державой христианского

²⁸ Весной 751 года.

²⁹ Карл был коронован в 768 году.

³⁰ Карломан умер в 771 году.

мира³¹. Естественно, советников он выслушивал по-прежнему и не держал вокруг себя людей, которые умели завоевывать себе благорасположение лестью.

Каждую зиму, изнемогая в духоте большого двора, который он никогда не брал с собой в походы, король с нетерпением ждал пробуждения и обновления природы, каждую весну его влекло на новые великие дела. Влекло неудержимо – ни скучные семейные заботы, от которых он очень быстро уставал и предпочитал прятаться за заботами государственными, ни состояние здоровья, которое он предпочитал поправлять в походе, не могли удержать Карла в столице. Более того, даже нынешнюю зиму он провел по эту сторону Рейна, только своим присутствием в саксонской земле утешая и умиряя восставших. А весной отправился восточнее, имея целью не только саксов окончательно поставить на место, но и пригрозить Дании, захватив граничащие с ней земли бодричей.

* * *

– Мой государь, остановитесь, – достаточно невежливо обгоняя монарха, крикнул вдруг граф Бевон, возглавляющий в этот день королевскую стражу, и протянул руку, преграждая королю путь.

Карл резко натянул удила и вопросительно, с недовольством и недоумением посмотрел на юного рыцаря-вельможу.

– Охрана, вперед! – скомандовал граф и только после этого объяснил: – Откуда-то спереди раздается звон оружия. Я прошу вас довериться нам шестерым и под охраной остальных вернуться в город.

– Я ничего не слышу, – возразил король, в самом деле прислушавшись.

– Это только потому, ваше величество, что ваше ухо привыкло к звукам больших сражений. Кроме того, ветер сегодня неверный, он постоянно меняет направление. Надо дождаться ветра спереди, тогда будет слышно...

И, не рассуждая далее о королевской тугоухости, не спросив разрешения короля, граф опустил забрало, рывком поднял на дыбы коня и дал ему шпоры, в несколько скачков догоняя первую пятерку рыцарей охраны.

Однако Карл, сам в душе воин не меньше, чем граф, развернуть своего коня и отступить не поспешил. Только позволил свите – десяти оставшимся с ним рыцарям – молча окружить себя с трех сторон, закрывая от случайной стрелы, пущенной из гущи леса. Однако он ясно понимал, что с такой незначительной охраной даже рядом с городом ездить опасно – вокруг рыщут малочисленные, избегающие открытого боя, но именно потому и непредсказуемые шайки саксонских повстанцев. Нападают и убегают, нападают и убегают, пока не подоспела подмога. А на кого напасть – на короля ли, на рыцаря ли, на купца – им все равно. Было бы чем поживиться...

Граф Бевон с пятью рыцарями скрылся за поворотом дороги. Остальные с напряжением ждали, вслушиваясь в звенящий весенними птичьими трелями полуденный лес, но не убрали руки с оружия и тревожно держали поводья внатяг, готовые в любую минуту пришпорить коней и послать их в любую сторону, куда прикажет Карл.

– Опустите забрало, ваше величество, – мрачно посоветовал кто-то откровенно заботливый.

Король или не услышал совет, или не захотел услышать. Взгляд его напряжения не показывал, более того, он невозмутимо продолжал отгонять перчаткой комаров, которых в лесу, где ветер слабее, чем на берегу, оказалось значительно больше.

³¹ Погрязшая в интригах Византия по силе никак не могла соперничать с франкским королевством, потому что с трудом боролась с окружавшими ее внешними врагами.

– Здесь есть боковые дороги? – спросил только, слегка повернув голову к плечу, но не оборачиваясь к рыцарям полностью.

– Впереди перекресток пяти дорог, – ответил входящий в свиту местный эделинг Кнесслер.

Кнесслер вместе со своими людьми, крещеными саксами, встретил короля с почтением на подъезде к Хаммабургу два дня назад. И предложил свои услуги как верный подданный и, кроме того, как человек, хорошо знающий местные условия. И все два дня он находился рядом с Карлом, частенько давая верные советы и толковые разъяснения, когда франкские рыцари ничего посоветовать или объяснить не могли по незнанию. В местных поселениях да и в самом городе Кнесслера хорошо знали как богатого эделинга, влияющего на соотечественников, и потому король, от природы доверчивый даже к незнакомым, вполне доверился и ему.

– Почему я не видел такой большой перекресток, когда мы сюда ехали?

– Мы, государь, ехали верхней дорогой.

– Кто может быть там? Вы же лучше нас знаете местные условия...

– Кто угодно, ваше величество. Времена беспокойные...

– Но Видукинд в Дании. Его пригрел Готфрид...

– По слухам, он должен быть там.

Это прозвучало уже как откровенное отрицание.

– А в действительности? – со свойственной ему прямоотой спросил Карл.

– А в действительности он может оказаться даже в свите вашего величества.

Карл посмотрел на Кнесслера косо.

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что никто не знает настоящего местонахождения Видукинда. Кроме того, слышал я, что король Готфрид почему-то вдруг резко невзлюбил его и чуть не прогнал от себя. А потом приказал охранным приграничным полкам встречать сакских беженцев арбалетными болтами. Так что, Видукинд может устроить вашему войску такую же ловушку, какую устроил графу Теодориху три года назад...³²

– Я не граф Теодорих, – сказал Карл чуть ли не с гневом. – И моя армия совсем не передовой отряд. Не думаю, что Видукинду по зубам придется повторение такого дела со мной. И покрепче волки ломали зубы о наши щиты и распарывали себе брюхо о наши мечи. Впрочем, как сакс ты не можешь не восхищаться своим соотечественником. Наверное, он того даже достоин. А что касается поведения датского монарха, то это уже новости приятные. И они меня радуют. По какой же причине Готфрид поступил так опрометчиво? В гневе, как я слышал, он необуздан. Но не до такой же степени, чтобы пренебречь интересами своего государства...

– Он и не пренебрегает... – спокойно возразил эделинг, между делом оглядываясь по сторонам. – Датской короне очень не хочется, чтобы ваше королевское величество переправилось вместе со всем войском через Лабу. На земли бодричей у Готфрида имеются собственные притязания, его кузина является женой Годослава, а его будущий племянник, появления на свет которого все на том берегу ждут с нетерпением, – наследником престола княжества. И Готфрид решил, мне кажется, даже Видукиндом пожертвовать, отправляя его на неподготовленную войну, лишь бы сковать ваши основные силы здесь, на этом берегу.

– Это возможно... – задумчиво протянул Карл.

Еще пять минут они ожидали дальнейших событий. И то ли терпение у короля кончилось, хотя он всегда гордился своим терпением, то ли комары настолько надоели монарху, что Карл достал из-за пояса боевые кольчужные рукавицы.

³² В 782 году Видукинд поднял очередное восстание и сжег множество церквей. Он же специально пустил к франкам слух, что на Саксонию напали племена лужицких сербов. На выручку поспешило франкское войско во главе с графом Теодорихом. В поисках сербов франки не обращали внимания на перемещение отрядов саксов, которые окружили франков со всех сторон и полностью разбили.

– Хватит, пожалуй, нам слушать пение птиц! Там шестеро наших рыцарей, наверное, проливают свою кровь... Вперед, на выручку! Монжуа!

И он опустил забрало, одновременно пришпоривая коня. Свита возразить не успела, но среагировала быстро, пустившись вдогонку за королем. Однако то ли вооружение рыцарей было более тяжелым, то ли просто королевский конь более резвым, обогнать Карла они не сумели и едва-едва умудрялись не отстать.

Королю со свитой пришлось преодолеть два поворота дороги, когда их взорам открылась настоящая кровавая схватка. Около сотни вооруженных кое-как саксов со всех сторон окружили десяток франков, вставших кольцом спина к спине, закрывающихся своими круглыми щитами и отбивающихся копьями и мечами. Четверо франков остались на лошадях, под остальными лошадьми были убиты.

К моменту появления помощи положение сложилось такое, что хорошо вооруженные франки не подпускали саксов к себе близко, поражая мечом или копьем неосторожного, а сами саксы, без брони и плохо вооруженные, не могли подступить и не решались на сильную атаку, чтобы победить противника числом, потому что уже понесли значительные потери при предыдущих атаках.

Карл бросился на выручку рыцарей, не раздумывая ни секунды, ничуть не притормозив быстрый бег своего сильного жеребца с огненной гривой. Его меч почти радостно, с задором сверкал под солнцем и поражал ближайших саксов. Остальные рыцари свиты с разгону ударили копьями, но тут же скомкали строй и окружили короля, который был в слишком легком доспехе и потому уязвим для любого случайного удара.

В первый момент неожиданная атака принесла успех, однако саксов было слишком много, чтобы долго рубиться в их густом беспорядочном окружении. И Карл, как опытный полководец, заметив, что маленький отряд свиты сразу же потерял двух коней, нарвавшихся брюхом на острые скрамасаксы, быстро оценил ситуацию и смирил азарт. Легким движением шпор он направил коня к своим рыцарям. Свита сделала то же самое. Только молодой рыцарь Ожелье ввязался в одиночную схватку с предводителем повстанцев. Сакс был такой же молодой, носил богатые черные доспехи, отличающие его от других, а в шлеме без забрала имелось отверстие на макушке, из которого был выпущен спадающий к левому плечу длинный пучок темных волос, похожий на лошадиный хвост. Сакс не смутился натиском франков, наоборот, он сам яростно, с криками атаковал, подбадривая своих воинов. И выбил несколькими мощными ударами меча рыцаря из седла. Пешие повстанцы тут же навалились на Ожелье сверху и стали стаскивать с него шлем и доспехи, закручивая руки за спину. А все преимущество франков во главе с королем свелось к тому, что они выросли в числе, но по-прежнему оставались в окружении численно превосходящего противника и даже не могли помочь своему товарищу, попавшему в плен, потому что разомкнуть строй для них было бы самоубийством.

Повстанцы, понимая, что ситуация сложилась непонятная и для них самих, и для франков, отодвинулись чуть дальше. Где-то за передними их рядами шло, видимо, совещание руководителей.

– Надо было, ваше величество, если уж вы сами не пожелали отступить, послать кого-нибудь за подмогой, – сказал граф Бевон, взявшись рукой за стремя королевского коня. Кольчуга на плече рыцаря была рассечена ударом топора и покрыта кровью.

– Я не мог бы тебя бросить, мой храбрый мальчик, хотя бы в память о твоём отце³³, – сказал король. – Ты серьезно ранен?

– Левая рука у меня почти не работает. Не может удержать щит, – сознался рыцарь без ложного стыда.

³³ По преданиям, граф Бевон-старший, владетель городов Дижон и Бон, погиб вместе с Роландом (Хроутландом) в битве при Ронсевале за семь лет до описываемых событий.

– А что касается подмоги, то здесь ты прав. Я совершил ошибку...

Саксы зашевелились и расступились, давая дорогу кому-то, кто желал обратиться к франкам. Это был тот воин в черных доспехах с хвостом над головой. Смущения он совсем не чувствовал, более того, вел себя с пониманием собственного преимущества. Сакс поднял руку, призывая к тишине.

– Не надо подмоги, ваше величество, – сказал вдруг из-за спины короля эделинг Кнесслер. – Они узнали вас и хотят сдаться.

– Сдаться?.. – возразил кто-то из рыцарей. – Посмотрите, Кнесслер, на злобные физиономии своих земляков. Они съедят нас вместе с лошадьми раньше, чем сдадутся.

– Кроме того, им проще разбежаться по лесу, чем сложить оружие, – резонно добавил другой, понимая всю нелепость слов Кнесслера.

– Они сдаются, ваше величество, – не обращая внимания на возражения, сказал эделинг. – Позвольте мне вести переговоры.

– Попробуй, – согласился Карл, а сам, склонившись с седла, подсунул свои шелковые перчатки, которыми раньше отгонял комаров, под рассеченную кольчугу Бевона, чтобы остановить кровотечение.

Спешенные франки разомкнули строй, и Кнесслер спокойно, чуть не величественно выехал вперед между их щитами. Не обращая внимания на воина в черных доспехах, он заговорил с саксами на родном наречии. Заговорил властно, приказным тоном. Возразить ему, хотя и не очень уверенно, посмел только предводитель, который собирался обратиться к франкам со своим, очевидно, противоположным предложением. Остальные слушали эделинга молча и с почтением, переглядывались друг с другом. Потом потупили головы, словно чего-то стыдясь. И вдруг, к всеобщему удивлению рыцарей, саксы один за другим стали выходить вперед и складывать к ногам лошади Кнесслера оружие. Воин в черных доспехах возбужденно сказал что-то резкое, хлестанул коня и поскакал прочь. Еще десяток конных воинов последовало за ним, а десяток пеших устремился в ближайшие густые заросли. Их никто не преследовал.

Карл осторожно убрал руку Бевона со своего стремени и кивнул стоящему рядом рыцарю. У графа закрылись глаза и подкашивались ноги. Рыцарь соскочил с коня и поддержал начальника королевской охраны вовремя, тот готов был уже упасть. А сам король, убедившись, что о Бевоне позаботятся, тронул коня шпорами и выехал к Кнесслеру.

– Я вижу, что твои слова не расходятся с делом, благородный эделинг.

– Они не знали, что вы в отряде, иначе не посмели бы напасть.

– Меня обманывать не надо, – улыбнулся Карл. – Я отлично понимаю, что они сдаются не королю франков, а эделингу Кнесслеру.

Эделинг в ответ только лукаво пожал плечами.

– Я осмелился от имени вашего величества обещать им пощаду, – только сказал он.

Карл сдвинул брови и поморщился.

– А вот это зря. Я хотел бы развесить их вдоль дороги для просушки. Но раз уж ты дал от моего имени слово, пусть уходят. Только без оружия. Я отпускаю их. Но если попадутся мне снова – пощады не будет.

Кнесслер перевел слова короля пленным. Теперь их лица осветились откровенной радостью³⁴. Оружие полетело в кучу стремительнее, а те, кто уже избавился от него, быстро уходили или убегали под сень деревьев. Эделинг наблюдал за этим, а Карл вернулся к рыцарям, обеспокоенный раной молодого графа Бевона.

³⁴ После уничтожения отряда графа Теодориха Карл, срочно вернувшийся в Саксонию, приказал казнить четыре с половиной тысячи саксов-заложников, среди которых были в основном юноши из самых знатных саксонских семей. Так что пленным трудно было рассчитывать на милосердие, которое вообще было не в духе того времени.

– Почему же я в прошлые походы ничего не слышал о таком влиятельном эделинге, как Кнесслер? – спросил король сам себя. – Одного его слова, оказывается, достаточно, чтобы люди добровольно лишили себя победы, а может быть, и жизни... По крайней мере, они готовы были уже расстаться с жизнью, если бы он приказал им...

– Потому, ваше величество, что вы помните больше своих врагов и тех, с кем вам еще предстоит бороться... – сказал один из рыцарей.

Карл задумался. Ответ прозвучал упреком, что король плохо заботится о верных ему людях. Это показалось несколько обидным, хотя и не было правдой. Король о своих подданных заботу проявлял всегда, но он видел их только всех вместе взятых. И они не понимали, что это забота о каждом из них. А персонально свою заботливость Карл проявлял только в отношении тех, кого особо любил и уважал...

Глава 4

Стук в дверь такой, словно, осмелев в отсутствие кошки, мышка в глубокой норке поскреблась. Не каждый спросонья и сообразит, что это за невнятный звук до уха пробился. Однако Дражко пошевелил усами и проснулся сразу, привычный к манере общения, принятой среди людей из отряда разведчиков волхва Ставра.

– Я слышу. Сейчас буду... – сказал он за дверь хриловатым со сна голосом.

Разбудили воеводу, как он и просил, за час до рассвета. Спал Дражко, не раздеваясь полностью, только пластинчатую сарагосскую кольчугу, удивительно гибкую и пластичную, добытую несколько лет назад в поединке с настырным и неуступчивым в бою шведом, и меч с ножнами, украшенными черненым серебром – давний подарок отца Годослава, снял. И лежал, готовый к скорому подъему в обстановке, когда потерянные минуты могут стоить утраты такого важного города, как Свентана. Даны-солдаты и даны-викинги на дороге, хотя и понесли урон от пышного салюта, устроенного стрельцами, все же еще представляли собой реальную угрозу, и никто не дал гарантии, что они изменили свои планы. Они могут напасть даже тогда, когда за стенами и сам князь-воевода, и герцог Трафальбрасс. Если, конечно, пожелают в открытую продемонстрировать силу королевства. Им даже выгоднее именно в это время напасть. Тогда полусотня охраны герцога изнутри поможет атакующим. А в городе всего две сотни стрельцов и полторы сотни дружинников. Это вместе с теми пятьюдесятью, что пришли с воеводой. Последние же должны и уйти утром в качестве посольской охраны. И тогда город защитниками совсем ослабнет.

Даны, конечно, с удовольствием назовут такие действия необходимостью спасения соседей от коварных и жадных франков, от неумеренной, ставшей уже нарицательной, алчности христианских монахов. Меры по укреплению границы, и больше ничего. И их не смутит, что Свентана – город не на границе с Саксонией, где стоят станом христианские полки, а на границе только с Данией. Важный пункт, запирающий дорогу на материк. Кто этим пунктом владеет, тому платят пошлину датские купцы и викинги, через Свентану отправляющие свои караваны в сторону юга, где в ляшских княжествах перепродают награбленное иудейским и хозарским купцам. А те уже своими каналами отправляют товар дальше – к аварам, в Византию и Болгарию, или в ограбленную недавно теми же викингами Европу. И маленькая Свентана дает в княжескую казну дохода немногим меньше больших портовых городов.

Правда, отсюда и до франков, стоящих в Саксонии, расстояние не велико – дневной переход для легкого конного отряда, два дня для рыцарской конницы и четыре для армии. Если бы франки пожелали отрезать Данию от материка, то в первую очередь напали бы на Свентану. Но армия франков только еще прибывает к границе, и король Карл не сразу начнет боевые действия. Однако Сигурд, конечно же, не без согласия Готфрида, ждать франков не станет. Ему только причина нужна, чтобы свой меч обнажить и со всей своей гигантской силой ударить им в спину бодричам.

Конечно, даны могут напасть и тогда, когда посольство вместе с князем-воеводой отбудет из Свентаны. Тогда, звеня кольчугами, отбудут и пятьдесят отборных дружинников – личный полк Дражко. Следовательно, гарнизон ослабнет. Но уже не будет и пятидесяти датских солдат внутри городских стен. Это нельзя сбрасывать со счета. Едва ли Трафальбрасс, если он в самом деле задумал такое коварство, откажется от заманчивой мысли. Слишком уж он опытный воин, чтобы не увидеть выгоду момента и этим не воспользоваться. Потому Дражко и оставил в ближайших домах от посольского покоя пятьдесят своих дружинников и два десятка стрельцов, готовых взять всю узкую улицу под обстрел, стоит только данам не вовремя выйти прогуляться по ночному городу оружными. И все ближайшие улицы перекрыты охранными рогатками. Атака с ходу на северные городские ворота, благодаря усилиям воеводы, обречена

на провал. Но Сигурд всегда бывает непредсказуем в своих действиях. И никто, даже сам он, не знает, как поведет себя в следующую минуту.

* * *

Три с небольшим года назад именно здесь, в Свентане, Дражко и познакомился с герцогом Трафальбрассом. Сам он тогда одет был во все белое – от сапог до шапки с пером белой цапли. И даже ножны меча были с окладом из блестящего граненого серебра, со светлыми же самоцветами. Герцог был в каком-то ярком кафтане с пышными кружевными рукавами, и вместо меча носил только широкий кривой аварский кинжал. Встреча происходила у тех же самых северных ворот, стрельцы давали точно такой же праздничный салют, только тогда салют не вызвал беспокойства в глазах Сигурда. Тогда ему беспокоиться было не о чем – герцог вез до границы невесту князя Годослава и свою двоюродную сестру, будущую княгиню Рогнельду. И в Свентане, после праздничного пира, когда удивился способности Дражко утолять жажду, передал невесту, согласно обычаю, встречающему княжескому дружке – в качестве которого и прибыл на границу князь-воевода. Сам Сигурд перешел в разряд обыкновенного гостя со стороны невесты. Таких гостей ехало в Рарог более трех десятков.

В Свентане поезд невесты задержался на двое суток, как и было договорено. Ждали прибытия с переговоров из Швеции влиятельного отца невесты герцога Гуннара, королевского дядю, который обещал присутствовать на свадьбе. Эти два дня Рогнельда скучала в окружении не знающих датского языка бодричских девушек, предоставленных ей для изучения обычаев славянского народа, а Дражко обучал Трафальбрасса утолению жажды. Оба не скучали. Два дня прошло, но старый герцог не приехал, прислав гонца с извинениями. Дела королевства он всегда ставил выше своих собственных и, уж конечно, выше дел родной дочери.

Поезд тронулся дальше.

Невеста была бледна и молчалива. Место Сигурда возле носилок Рогнельды занял, как ему и полагалось, князь-воевода. И всю оставшуюся дорогу пытался невесту развеселить, топорща усы, рассказывая были и небылицы. Но только два или три раза добился легкой улыбки.

Уже на подъезде к Рарогу Рогнельда, плохо произнося славянские слова, вдруг спросила: – Годослав такой же большой, как ты?

Ростом Рогнельда была вровень с Дражко и очень, похоже, боялась, что в мужья ей достанется человек невысокого роста. Дражко постарался успокоить невесту.

– Нет, что ты... Он выше меня почти на целую голову. А если наденет шлем, то на полторы головы, потому что шлем у него с яловцом³⁵, а у меня круглый... Вы будете хорошей и красивой парой и народите больших и сильных детей... А я, на правах вашего братца, буду их нянчить...

Дражко показалось, что этими словами он вполне утешил и успокоил Рогнельду. Еще в первый день знакомства он заметил взгляд Рогнельды, обращенный на Сигурда, который макушкой доставал до вершины уха двоюродной сестры. Взгляд этот показался не слишком ласковым и слегка болезненным. Будущая княгиня из-за своего роста чувствовала себя неуютно среди мужчин, которые часто были значительно ниже ее.

У городских ворот Рарога Рогнельда в первый раз после пересечения границы улыбнулась Дражко широко и открыто. Ей нравился этот воевода, такой бесхитростный и веселый. К тому же обладатель самых красивых усов на свете. Рогнельда видела немало усачей при дворе

³⁵ *Яловец* – острая вершина шлема, к которой крепился или значок, или талисман, или геральдический символ. Во времена Карла Великого шлем с яловцом был распространен в Европе повсеместно, позже стал принадлежностью вооружения славянских и восточных народов, не принявших европейское утяжеление доспеха в ущерб подвижности воина.

своего двоюродного брата Готфрида Датского. Сам Готфрид носил длинные обвислые усы. Но ни у кого не было таких пышных, и никого они так не украшали, как украшали князя Дражко.

Но никто не заметил, что уже после первого дня пути усы Дражко переставали задираться кверху, стоило ему отойти от носилок своей будущей правительницы. Без общества Рогнельды воевода начал грустить, сам не понимая почему...

Она тоже этого не замечала.

* * *

Дражко вышел из боковой светлицы уже одетый, но с заспанными глазами. Уже много дней ему не удавалось выспаться, как требуется это здоровому организму молодого сильного человека. В горнице его дожидалось несколько воев.

– Воды дайте! – потребовал князь-воевода прежде, чем начать расспрашивать. Остатки короткого сна изгонять из головы лучше всего холодной водой.

Ему полили на руки воду, воевода умылся и, прямо из греческой амфоры, под завистливые и даже осуждающие взгляды воев, полил себе голову и даже знаменитые усы вином.

Волосы лучше всего хранят запах. Пусть герцог не думает, что Дражко пренебрег его подарком. И волосы, и усы слиплись. Воеводе пришлось смочить их водой, но не сильно, чтобы запах распространился, но совсем не исчез.

– Ставр не приехал? – спросил воевода, старательно вытирая лицо льняным рушником так, чтобы не задеть усы и не уничтожить винный запах.

– Он вместе со Сфиркой караулит вблизи дороги, – ответил Скурлата. Ночью Скурлата имеет возможность не горбиться, и счастлив, что спина его отдыхает.

– Значит, Сфирка вернулся?

– Еще вчера вечером.

Один из основных помощников волхва, все знающий и вездесущий разведчик Сфирка, не горящий в огне и не тонущий в воде, как про него говорили товарищи, провел несколько дней на другом берегу Лабы, разведывая намерения франков и силы противостоящих им саксов. Удастся ли задумка Готфрида – поднять большое восстание между Лабой и Рейном, чтобы Карлу было не до внешних походов? Где находятся сейчас главные враги Карла – эделинги Видукин и Аббио? Как их найти и какую помощь они желали бы получить от славян с другого берега реки? Вот вопросы, с которыми Сфирка отправился в дальнюю поездку. Что за ответы привез он? Чего следует ждать бодричам? Но сам Сфирка близко от Дражко не появится, потому что часто он ходит и в датские земли, и совсем ни к чему Сигурду знать, если доведется им встретиться, что этот человек вхож к воеводе в любое время дня и ночи.

– Это хорошо. – Дражко передал полотенце разведчику и улыбнулся. Он всегда просыпался в прекрасном расположении духа, даже если удавалось поспать так мало, как сегодня. Должно быть, потому, что сны ему всегда приходили, как сам рассказывал однажды Ставру, только хорошие. – Значит, будут нужные вести для князя Годослава. Сфирка, известное дело, без вестей не возвращается. Ладно... И что на дороге?

– Даны стоят там в готовности и ждут сигнала от Сигурда. Беспокоятся, что сигнала все еще нет. Отправляли вперед разведку. Четыре раза по пять человек. Все разведчики побывали в руках Ставра. А без сигнала, которого нет и не будет, даны не решаются начать атаку. Викинги ругаются с солдатами. Им обещали богатую добычу в храме. Солдаты тоже недовольны, но они без приказа выступить боятся. Их так Сигурд наставлял.

Наверное, волхв прав. Его место сейчас именно там. В нужный момент, как договорено, он подаст сигнал стрельцам на стены, чтобы произвели новый салют, только теперь уже простыми стрелами, без огня. Теперь даны ждут такого навесного обстрела и большого урона уже не понесут. Но все же часть стрел обязательно достигнет цели. А позже, если начнется атака,

тоже будет чем врага встретить. Не зря Дражко засадил за работу всех кузнецов маленького города – они срочно готовят наконечники. Прочные, загодя высушенные березовые древки с оперением из хвостов морской птицы³⁶ Дражко привез в своем обозе еще до встречи с Сигурдом. Запас всегда необходим, а если он приходится кстати, то становится почти праздником.

– Что сам Сигурд?

– Нервничает, – ответил Годион, так и не расставшийся за ночь со своим полэксом. – Я ходил к нему, как ты и велел. Спать герцог не ложился и даже не снимал кольчугу. Готовился – это очевидно.

Дражко и не думал, что герцог уляжется спать, устав после короткого пути в Свентану. Не для того прибыл посол-викинг в славянское княжество, чтобы нежиться в пуховой перине, приготовленной для него работающими руками привычных к любому труду свентанских женщин.

– Что вокруг посольского покоя?

– В середине ночи два десятка оружных солдат хотели прогуляться – разведка. Их встретили у рогаток и остановили. Заставили вернуться. Через четверть часа вышел сам герцог. Герцога уважили, с поклоном пропустили. Он обошел весь квартал, полюбовался на луну, и видел наших дружинников. Понял, что его люди заперты на всю ночь, и после этого закрылся у себя в комнате. Слышно было, как он пинал скамьи. Недавно утомился.

– Сейчас, наверное, уже умывается, как и я, – улыбнулся воевода. – Надеюсь, ему приготовили большой таз, чтобы после такой нервной ночи привести себя в порядок. А то всю службу в храме будет сонным.

Даны, как и все скандинавы, умываются не по-славянски, под струей воды, а в тазике. Славян это всегда смешит.

– Таз приготовили. И воды не пожалели. Пусть остудит свой пыл.

– Прекрасно. Пленных гонцов допросили?

– Как мы и предполагали, первый гонец – что от Сигурда – должен был указать солдатам время и место атаки. Второй в самом деле ехал от короля, но не к герцогу Трафальбрассу, а к какому-то купцу Якобу, что входит в посольство. Гонец вез тайное письмо. Ставр прочитать не смог.

Князь-воевода только хмыкнул на это. Ставр умеет читать и славянские звуковые буквы, и славянские рунические письмена, и нордические рунические, и франкские, и латинские грамоты. И даже немного знает греческий язык, хотя греки живут далеко и встречаться с ними приходится не часто. Но если письмо написано тайными знаками, прочитать его сможет только тот, кто написал, и тот, кому письмо адресовано.

– Купец Якоб? Король Готфрид общается с купцами, членами посольства, минуя Сигурда? Мне это весьма нравится... – воевода сел и стукнул себя кулаком по колену. – Купец Якоб... Купец Якоб... Мне мало доводилось заниматься торговыми делами. А ну... Напрягите память... Знает кто-нибудь такого купца?

– Всех купцов, что вели или ведут торговлю через наши земли, мы знаем хотя бы по именам, – ответил Годион.

– Якоба среди них нет, – закончил за него молчащий до этого разведчик Далимил-плеточник.

Плеточником его зовут потому, что он своим длинным аварским бичом-плеткой любого латника вышибает из седла не хуже, чем другой рыцарь копьем. Должно, и было у него в крови что-то аварское, потому что лицом Далимил был смугл, волосами темен, хотя глаза имел яркосиние, славянские, и не узкие, как у аваров.

³⁶ Древки стрел изготавливались из колоды, отпиленной от части бревна, ближней к комлю, – чтобы стрела была крепче и была сильнее. При оперении старались использовать перо морской птицы, которое не деформируется от влаги.

– Очень меня интересует этот Якоб... – нахмурился князь-воевода, словно хотел, чтобы ему прямо сейчас все выложили и рассказали, коли разведчиками назвались. – Очень интересует... – повторил уже тверже, словно отдал приказание.

– То же самое наказал и Ставр. Советовал тебе, княже, присмотреться к купцу и, если представится возможность, подставить его как-то нам. Мы быстро отправим господина Якоба на правеж³⁷. А Ставр развязывать языки умеет. Перед ним никто не молчит...

Воевода и сам хорошо знал, что Ставр только волховскими умениями может без обязательных пыток, применяемых повсеместно и не всегда дающих результат, заставить говорить любого, и сомневался, что кто-то сумеет скрыть от волхва свои намерения. Как это происходит, никому не понятно. Просто смотрит волхв в глаза и спрашивает, спрашивает много и о разном. И между другими вопросами задает нужные³⁸. Ему отвечают обязательно и обстоятельно, хотя с другими, даже с палачами, не хотели до этого разговаривать под угрозой раскаленных клещей, готовых вцепиться в язык молчуну.

Трудные загадки в такой напряженный для княжества момент хочется разрешить быстрее...

Понятно, что купец, с которым сам король Готфрид переписывается тайным письмом, минуя герцога Трафальбрасса, не может не иметь тайного же задания, не связанного с торговыми делами. Готфрид, в отличие от Годослава, к торговле равнодушен, он предпочитает пополнять казну грабежами соседей. И никто не поверит, как не верит Дражко, что в такой напряженный момент Готфрида обуяла жажда наживы.

– Я попробую узнать, кто такой Якоб, вернее, что за этим именем кроется...

– Кроется за именем? – переспросил мрачный Годион.

– И такое может быть, – в раздумье, словно беседуя сам с собою, сказал Дражко, наливая себе кружку терпкого и кислого, со льда, клюквенного кваса. – Скорее всего, так и есть... Предположим, благородный конунг Готфрид готовит какую-то очередную гадость, до которых он большой охотник. Находит исполнителя. Исполнитель, что эту гадость будет воплощать в жизнь, не желает пятнать свое имя неблагоприятным поступком. А исполнять надо – приказ монарха... Что этот исполнитель сделает? Он возьмет себе другое имя.

– Может и такое быть, – согласился Скурлата. – Надо обязательно довести это до Ставра. Пусть попытается узнать что-то в Дании. И я тоже попытаюсь...

– Как? – поинтересовался князь.

– Заметил я среди солдат одного доброго знакомца. Девять лет назад мы с ним вместе в набег на Англию ходили. На шести драккарах. Славно, помнится, повеселились и поживились.

– Он тебя, конечно же, сразу узнал в нищем... И небывалую милостыню отвалил... – Дражко пошевелил усом, как другой бы поднял бровь, так он изображал лукавство.

– Разве кто обратит внимание на горбатого попрошайку... Да возле всякого храма толпы таких грязные руки к каждому прохожему тянут... – И Скурлата показал свои руки. Они в самом деле просили очень много воды, чтобы приобрести нормальный вид. Традиционного датского тазика для умывания Скурлате явно бы не хватило.

В дверь постучали. В такой неурочный час здесь никого не ждали, потому Скурлата снова сгорбился и отодвинулся подальше от печи в тень, а Годион перебросил топор в другую руку. Далимил-плеточник, оглянувшись на князя и уловив его кивок, отодвинул засов.

Вой из воеводиной дружины, что дежурила возле рогаток, кашлянул в кулак, прочищая горло, и доложил, едва переступив порог:

– Бояре к князю-воеводе просятся...

³⁷ В период раннего Средневековья в славянских общинах слово «правеж» имело употребление как понятие приведения к правде, узнавания правды. В более поздние столетия трансформировалось в термин, обозначающий публичное наказание.

³⁸ Гипнозом славянские волхвы пользовались не менее широко, чем египетские жрецы. Об этом, как о языческих чудесах, рассказывал и летописец Карла Великого Эйнхард и другой средневековый хронист – Саксон Грамматик.

– Я с ними скоро увижусь возле храма. Пусть пораньше туда приходят, – сказал Дражко, не вставая со скамьи.

– Ругаются оне... Грозятся...

– Их дело такое, ругаться. А ваше дело меня слушаться.

– Понял я, воевода. Значит, бояр не пущать?

– Ты правильно понял. Я спал после вина, которое мне пожаловал герцог вечером. И меня еле-еле добудились, чтобы я в храм на праздник отправился. Пусть бояре там и ждут...

Вой хитро буркнул в бороду:

– Пусть тама и ждут... – И отправился восвояси.

* * *

Храм Свентовита по площади занимал чуть ли не пятую часть всей Свентаны, продолжая своей мощной восточной стеной городскую стену. По дороге к храму князь-воевода не преминул сделать круг и заглянуть в башни при северных городских воротах, где назревали новые события.

– Что тут у вас слышно? – спросил Дражко стрелецкого сотника, встретив его на крутой каменной лестнице и даже не остановившись – торопился на свидание с боярами, пока те сами с Сигурдом не встретились.

Сотник заспешил за воеводой.

– Внешне все спокойно. Вот-вот ждем сигнала от волхва Ставра. Подступает самая темень – перед рассветом. В такую пору стрелу заметишь лишь после того, как она в тебя воткнется...

На башенной площадке, куда они поднялись, тесно. Стрельцы приготовили стрелы то ли при приближении воеводы, то ли при приближении подходящего для стрельбы времени – трудно разобрать.

– Я пришел поблагодарить вас, – приветственно поднял руку князь. – Вы здорово пощипали данов своими огненными тучами³⁹.

Он подошел к краю площадки и всмотрелся в темноту. Однако ничего увидеть не смог.

– Будьте готовы. Они уже собирались пойти в атаку, но не получили команды от Сигурда.

– Надо бы, воевода, чтобы вообще ее не получили... – сказал один из стрельцов.

– Об этом уж мы заботимся, – ответил Дражко и подкрутил усы. – А вы позаботьтесь о сохранности своих домов. Старайтесь.

Он круто повернулся и хотел было уже спуститься по лестнице, когда наблюдатель негромко крикнул:

– Сигнал!

Дражко торопливо вернулся к бойнице.

Где-то вдалеке один из людей Ставра сигналил из темноты зажженным факелом.

– Просит три тучи. Первая мишень, – прочитал сигналы сотник. – Приступить? – спросил он разрешение воеводы.

Дражко медлил не меньше минуты. Он понимал, какую ответственность на себя принимает...

– Значит, даны двинулись в сторону города... Они ждали на второй мишени. Конечно, стрелять! Пусть поможет вам Свентовит! Вы же и его тоже сегодня защищаете! И свои дома, и жен своих, и детей! Стрелять!

Сотник склонился из бойницы к стрельцам, занимающим стену, и тихо передал команду:

³⁹ Туча — одновременная стрельба в одном направлении из всех луков, залп.

– Стрелять по моей отмашке. Три тучи по четыре стрелы⁴⁰. Первая мишень.

После этого повторил команду на вторую стену. И тут же вскочил в бойницу с факелом в руке. Стрельцам на подготовку понадобилось времени столько, сколько сотнику на то, чтобы перевести дыхание. Факел поднялся и опустился. Стрелы одна за другой с тихим шелестом и свистом ушли в черное предраассветное небо, на котором уже не видно ни луны, ни звезд. Тишину нарушали только удары тетивы по костяным пластинам, защищающим левую руку. Короткая передышка, чтобы всем стрельцам одновременно расслабленно взмахнуть рукой, давая ей короткий отдых, и взять еще по четыре приготовленные стрелы. И новая туча ушла в небо. Еще одна передышка – и третья туча поспешила во тьму.

– Не высоко брали? – спросил воевода сотника.

– В самый раз. Иначе стрела силу не наберет. А под таким углом – любую броню пробьет. Натяг на добрых два вершка посильнее обычного делаем. Да был бы наконечник хорошо кален, тогда ни щит, ни шлем, ни панцирь не сдюжит...

– Добро... – хлопнул воевода сотника по плечу. Тот от такого обращения посветлел лицом.

– Сейчас бы вылазку сделать самое время, – набравшись храбрости, посоветовал.

– А вот это значило бы откровенно объявить Дании войну! – не поддержал его Дражко. – Я бы сам не против вылазки, но тогда посольство сразу развернется и поспежит восвояси. И вместо него придет сюда армия. А этого допустить пока нельзя. Пока... А дальше, живы будем, посмотрим, как себя вести... Понял?

– Понял, воевода, чего тут не понять. Да уж больно хочется их навсегда отвадить... Мы же их здесь, почитай, каждую ночь караулим...

– Мне того же хочется! Поможет Свентовит, и отвадим...

Дражко спустился на привратную площадь и прошел через малые ворота. Оборона города была построена так, что если бы враг пробил с моста главные ворота и ворвался в город, он оказался бы в каменном мешке, из которого было только два выхода – во вторые ворота или назад. А сверху его в это время могли спокойно расстреливать стрельцы, и в дополнение поливать расплавленной смолой.

За воротами воеводу дожидались Годион и Далимил.

– Слышали? – спросил Дражко.

– Большая стая птиц пролетела... – сказал Далимил.

– Хищные птицы! Опасные! – поддержал иносказание и Годион, сам угрожающе поигрывая полэксом. В его громадной ручище этот слишком большой для обычного пешего воя топор казался простой игрушкой.

– Скурлата где?

– Возле храма должен быть. Он умылся и переоделся. И горба под кольчугой не стало...

– И нам в храм пора. Заждались, почитай, бояре. А они ждать не любят...

И князь направился быстрым широким шагом в восточную часть маленького города. Вои поспешили за ним, отставая на пару шагов. На узких улицах в это время обычно никого не бывает. Горожане, не в пример сельским жителям, встают попозже и не сразу торопятся приниматься за повседневные свои дела. Но в это утро ставни многих окон уже были распахнуты, и за стеклами светились огни. Люди собирались идти в храм на праздник Свентовита. Кое-где уже начали и фигурки мелькать – это показали самые торопливые.

Светать начинало медленно. Но когда воевода с воями приблизились к храмовым воротам, в городе готовилось вступить в свои права раннее утро. Одновременно с Дражко, словно бы ждали команды, стали появляться и горожане. Но разряженные в лучшие одежды бояре,

⁴⁰ Способ стрельбы, при котором славяне выпускают одну за другой по четыре стрелы, зажатые между пальцами левой руки, описан византийским императором Маврикием (582–602 гг.) в трактате «Стратегикон».

приехавшие на встречу посольства данов, и горожан, и самого князя-воеводу опередили. Стояли скучившейся толпой и смотрели грозно.

Узкая, на датский придворный манер подстриженная бороденка боярина Мистиши тряслась от злобы вместе с объемным животом.

– Ты, воевода, хватаешь через край! – начал он сразу с крика.

– Утро вам доброе, светлейшие бояре, – сказал князь, не обращая внимания на Мистишу.

Но тот продолжил:

– Ты объявляешь войну Дании, не спросив на то разрешения князя и согласия думы!

Только теперь Дращко обернулся к возбужденному боярину всем телом.

– Я предотвращаю неизбежную войну.

– Нам доложили, что ты приказал не только перебить отряд сопровождения послов на дороге, ты еще и герцога Трафальбрасса оскорбил, заперев его на ночь в посольском покое! Как можно спяну такие дела творить!..

Дращко сохранил спокойствие, только усы его гневно подрагивали то ли от недовольства, то ли от винного запаха.

– Отряд сопровождения, состоящий в большинстве из викингов, не попади случайно под праздничную встречу, которую мы с почтением приготовили для герцога, сегодня ночью перерезал бы всем нашим боярам глотки. И даже короткие бороды бояр не помешали бы им это исполнить. В посольском же покое оказались заперты только солдаты, которые собирались ночью открыть ворота викингам и выйти погулять по городским стенам. А что касается уважаемого конунга Трафальбрасса, то он нынешней ночью свободно шатался по городу и прогулкой остался весьма доволен. Да спросите его сами, доволен ли он?

С боковой улицы в это время появился Сигурд. Без охраны, сопровождаемый только членами посольства. Герцог улыбался во все лицо, готовый с великим радушием поприветствовать князя-воеводу, которого заметил первым. На бояр он, кажется, и внимания не обратил, не отличая их от простых горожан...

Глава 5

По дороге к королевской ставке рыцари, окружающие короля, почти не разговаривали, потому что Карл задумчиво молчал, и они боялись нарушить его размышления. Почти все они, а особенно те, что попали в засаду первыми и, несомненно, погибли бы, не поспешив граф Бевон к ним на выручку, были неоднократно ранены. Сам Бевон достаточно тяжело. Его с двух сторон поддерживали в седле. Получил, оказывается, ранение и рыцарь Ожелье, которому успели вернуть доспехи. Его тоже пришлось поддерживать, чтобы молодой воин не упал с коня. Здоровые помогали раненым, пятеро, потерявшие в бою коней, шли пешими. Но о ранах никто не говорил, и боли старались не показывать, потому что Карл не любил подобных проявлений слабости.

Только на подъезде к своей ставке, прямо за которой на соседней возвышенности разбивала лагерь армия франков, Карл, предварительно оглянувшись на спутников и убедившись, что позади него все в порядке, прищипил коня, оставив графа Бевона на попечение рыцарей охраны, и миновал поворот. Лишь один из рыцарей, всегда мрачный барон Борк, выходец из Баварии, не поладивший с герцогом Тассилоном⁴¹ и потому уже много лет живущий вдали от родины и входящий в свиту Карла, да эделинг Кнесслер, оказавшийся сегодня таким полезным, уловили королевский взгляд и поспешили за монархом в качестве свиты.

Лагерь занимал пологий и широкий холм с небольшой, приветливо зеленеющей рощей по южному склону. Северный склон холма вздыбливался бессистемным каменистым беспорядком и заканчивался достаточно высоким обрывом, гарантировавшим относительную безопасность с этой стороны. Со всех других сторон конусообразные палатки франкской армии устанавливались правильными, сбегаящими вниз рядами. Ряды эти приобрели форму веера, имеющего исходящие от голой вершины улицы. Там, на вершине, еще предстояло установить походную церковь.

В роще палаток не было, там устроили большую многорядную коновязь для части королевской конницы – и от солнца защита, и ручей приветливо журчал под кронами деревьев, сбегая к подошве холма. В самом низу склона, где роща кончалась, а к верхнему ручью примыкали три соседа, образуя говорливый большой ручей или даже маленькую речку, вытянулось по ее берегу еще два ряда палаток. Карл, хотя и с удовольствием слушал, когда ему читали латинские военные книги, хотя и считал Цезаря примером для любого полководца, в том числе и для себя, не любил, в отличие от римских классических лагерей, ограждать стоянки своей армии по периметру. Лишь выставлял в пределах обоюдной видимости часовых и иногда, в особо беспокойных местах, приказывал выкопать ров и насыпать небольшой откосый вал. Воин, считал король, в любую минуту должен быть готов взять в руки оружие и встретить врага лицом к лицу. А если он спит, надеясь только на защиту стен, вместо того, чтобы надеяться на себя, он плох на войне.

В повседневной жизни Карл не отличался одеждой от своих баронов и часто смотрелся со стороны даже более скромным, чем они. Настоящие королевские одежды он носил только по церковным праздникам и по торжественным случаям. И потому солдаты, занятые своей работой по благоустройству, не обращали на короля внимания, принимая за вельможу, которые часто проезжали мимо. Склон холма, сколь маленьким он ни будь, все же оставался склоном,

⁴¹ Баварский герцог Тассилон, официально признавший еще власть Пипина Короткого, на самом деле вел постоянные интриги против франков и против своих же подданных, стремясь ограбить баварскую знать. Тассилон заключил договор против Карла со своим зятем Дезиреем, потом даже с аварским каганом, чем вызвал восстание своего же народа и призывание на помощь Карла. Карл окончательно подчинил себе Баварию в 788 году. Тассилон был приговорен духовным судом к смерти, но Карл помиловал его и сослал в монастырь, где тот и умер. Его герцогство было поделено на отдельные округа, над каждым из которых Карл поставил графа из числа баварских баронов, ранее бежавших от Тассилона к франкам.

и для того, чтобы палатку установить ровно, часть склона под каждой палаткой предстояло выровнять. По сторонам глазеть солдатам было некогда. А Карл даже не поднял забрала, чтобы стать узнаваемым.

Проехав по трем доступным сторонам периметра и придирчиво осмотрев лагерь, как делал всегда на новом месте, король, казалось, остался доволен – своим военачальникам он обычно доверял, но обязательно контролировал их деятельность, считая только себя ответственным за все. И тут Карл заметил группу рыцарей, которые, не сходя с коней, занимались тем же, чем только что занимался он – осматривали лагерь.

– Кнесслер, – спросил король, – твои глаза помоложе моих... Ты не видишь, кто там дает указания моим рыцарям? По-моему, он их отчитывает...

– Я еще плохо знаю ваших военачальников, ваше величество, – склонил голову эделинг.

– Там монсеньор⁴² Бернар⁴³, сир, – за сакса ответил баварец. – Он чем-то недоволен, вы правы... Но, видимо, не военным лагерем, потому что высказывает свое недовольство вашему майордому шевалье дю Ратье.

– Ах... Дядя... Дядя Бернар, сколько я себя помню, всегда и всем недоволен. Таким уж он, на несчастье нашей семьи, уродился... – улыбнулся Карл. – Иногда мне даже кажется, что для него стало делом принципа высказать отличную от других позицию. Одно хорошо – его недовольное ворчание всегда беззлобно.

И легкой рысью король, склонный прощать людям, которых любил, небольшие недостатки, направил коня в сторону группы.

Здесь короля узнали сразу. И по жеребцу редкой масти, и по посадке в седле – Карл обычно держался прямо и чуть-чуть небрежно откинувшись. Многие рыцари пытались подражать посадке короля, однако привычка склоняться, направляя тяжелое копьё, и закрываться щитом брала верх. Король же в седле сидел не как рыцарь, а именно как король. К тому же на жеребце такой редкой масти, кроме короля, никто не ездил.

Завидев приближение племянника, дядя Бернар вместе с окружением заспешил ему навстречу, красный от негодования, а явно не от майского солнышка, которое светило в этот день не слишком и жарко.

– Карл, Карл, что за глупость мне рассказывают твои любимые рыцари?!

– У меня, дорогой дядюшка, – улыбнулся король, – пока не было причин обвинять большинство из них в недостатке сообразительности.

Бернар, шустрый и тшедушный настолько же, насколько, как утверждали современники, он был отважен, развернул свою удивительно красивую серую в белых яблоках кобылу так, чтобы ехать справа от короля.

– Они говорят, что ты решил поставить свою палатку на Песенном холме?

– Я не знаю, как называется холм, на котором я приказал поставить палатку. Если это Песенный холм, надо будет приказать, чтобы там мне пели. Я выбрал место, дорогой дядюшка, которое показалось мне самым приемлемым.

Жеребец Карла беспокоился от присутствия кобылы Бернара, задира гордо губы, будто улыбался, и королю пришлось подтянуть покрепче удила.

⁴² В феодальной и монархической Франции – титул принцев, епископов и других представителей высшей знати. Впоследствии перерос в титул высших представителей католического духовенства.

⁴³ *Бернар* — дядя короля Карла Великого, в 773 году, во время похода в Италию против Дезирея, короля лангобардов, для обхвата противника с двух сторон провел часть армии франков через перевал Мон-Жови. В честь удачной операции Бернар дал деньги на постройку монастыря на перевале. С тех пор перевал стал называться перевалом Сен-Бернар. До Бернара такой же тяжелый переход совершал и великий карфагенский полководец Ганнибал. А потом и русский генералиссимус Суворов. Только Суворов шел через перевал зимой, что значительно сложнее. В монастыре, построенном на деньги королевского дяди, была выведена порода собак, которых обучали отыскивать засыпанных снегом путников. Порода собак хорошо известна до сих пор и носит имя сенбернар.

– Но там же очень опасное место. Ты, наверное, видел этот холм только издали... Там почти голая вершина – конечно, отличное место для обзора. Но по склонам густые рощи, а с двух сторон эти рощи безо всякого разрыва переходят в лес. Разбойникам-саксам ничего не стоит подобраться прямо к твоей палатке.

– Но у меня же есть дядя, который командует нынешним походом, – засмеялся Карл. – Мой дядя наверняка расставит часовых так, что мимо них и комар не пролетит. Дядя же знает, как я не люблю комаров. И вообще он у меня большой специалист по вопросам охраны. А кроме того, не могу не заметить, что у меня есть еще и эделинг Кнесслер, которому все местные разбойники сдаются с полуслова.

– Какие еще разбойники? – обеспокоенно переспросил Бернар, бросая на Кнесслера подозрительный взгляд. И вовсе не потому подозрительный, что Бернар не доверял саксу, просто это был еще один повод проявить свою вошедшую в поговорку ворчливость.

Карл коротко рассказал историю схватки с большой группой саксов на лесной дороге и не преминул похвалить молодого Бевона, против предоставления которому бенефиция⁴⁴ на графство выступал как раз дядя Бернар, считая юный возраст рыцаря помехой в сложной науке управления провинцией и в исполнении судебных обязанностей.

– Но почему они сдались? – не понял ситуацию Бернар, опять обернулся и посмотрел на эделинга, теперь с явным вопросом. – Пленить или убить короля – это для них, мне казалось, высшая цель, предел мечтаний! Тогда, возможно, кончилась бы на какое-то время и эта война! Не понимаю... Не понимаю...

– Так получилось, ваше высочество, потому что эти люди очень уважают короля, – как и прежде уклончиво, ответил сакс. – И они не собирались убивать его. Они напали на рыцарей...

– Да, – согласился Бернар, – я думаю, что они очень любят короля, которому никак не желают подчиниться уже на протяжении двадцати пяти лет! Очевидно, эта затянувшаяся война доставляет местным саксам несравненное удовольствие. Я правильно мыслю?

– Правильно, дядюшка, правильно... – засмеялся король. – Ты до тонкостей постиг душу свободных саксов. Они большие любители повоевать...

Бернар, с язвительным сарказмом в голосе и полный уверенности, усердно закивал головой.

– Вот именно поэтому я и прикажу сейчас же прочесать все ближайшие леса...

– Это твое дело, дядюшка. В твои дела, как известно, я не вмешиваюсь. У меня своих накопилось достаточно, и решить их следует срочно...

Кнесслер заметно помрачнел, несколько секунд посомневался, не решаясь на ответный шаг, и все же подогнал коня, чтобы объехать Карла слева и таким образом поравняться с Бернаром, хотя разговаривать им все равно пришлось через короля.

– Я не советовал бы вам делать этого, монсеньор Бернар.

– Это еще почему?

– Просто не советую, и все... – сказал Кнесслер с мрачной решимостью.

– Мне бы тоже хотелось узнать, – как и эделинг, слегка нахмурившись, вступил в разговор король, – почему моему дяде не рекомендовано выполнять обязанности по обеспечению безопасности своего племянника?

– Ваши солдаты, ваше величество, совсем не знают местных лесов. Проводя прочесывание леса, вы потеряете больше людей, чем в открытом бою. В наших лесах, говорят, даже деревья порой посылают в чужаков стрелы...

⁴⁴ При Карле графское звание являлось не наследственным титулом, а означало назначение на государственную административную должность, согласно бенефицию. Только при правлении внуков Карла Великого графский титул и должность управителя стали наследственными.

– То есть, – напрямую спросил Бернар, – вы хотите сказать, что леса переполнены бандитами, и мы таким образом можем вступить в сражение, не подготовившись к нему с полной основательностью?

– Примерно это я и хотел сказать, только иными словами, чуть-чуть помягче, – со вздохом вынужден был согласиться сакс.

– Интересно получается... Но это же означает, что мы не сможем гарантировать безопасность никому из своих солдат и рыцарей, и даже самому королю? – настаивал Бернар на уточнении вопроса. – Так?

– Нет, не совсем так, монсеньор.

– Говорите конкретнее, – строго приказал Карл. – Я не люблю выуживать смысл в витиеватых чужих выражениях. Конкретнее!

– Я, ваше величество, – ответил Кнесслер, – обладаю в местных краях некоторым влиянием на население. Они – мои подданные. И я имею право приказывать здесь...

– Это я уже понял, – согласно кивнул король. – Ваше влияние, несомненно, велико, если бандиты готовы были по вашему приказу пойти на смерть.

– Не совсем так, ваше величество. Так далеко моя власть не распространяется. Я им обещал жизнь от вашего имени. Потому они и сдались. И в пределах своей эделингии я могу гарантировать вашему величеству безопасность.

– А рыцарям? А солдатам? – поинтересовался Бернар, полный желания спорить и придираться к словам. – Им безопасность вы гарантировать не можете?

– Нет! – смело сказал Кнесслер. – Солдаты сжигают саксонские деревни...

– Не могу не заметить, что солдатам тоже иногда хочется есть, – прервал эделинга Бернар. – Не нами придуманы правила войны...

– Я понимаю. Но не всегда же грабеж и убийство являются средством пропитания армии.

– Я повторяю, – настаивал Бернар. – Мы на войне, а на войне с армией победившей это случается всегда!

Кнесслер вздохнул так тяжело и непритворно, что заставил Карла задуматься.

– Вот потому и тянется эта война так долго...

– Рассуди нас, Карл... – как к высшей инстанции, третьей после Бога и Римского Папы, обратился Бернар к королю.

Карл долго молчал, не желая высказывать поспешную мысль.

– К сожалению, я не могу не согласиться с господином эделингом, – сказал он, наконец. – Я думаю, эту проблему нам с вами предстоит решить вместе, и пора уже установить в стране мир к всеобщему благоденствию и процветанию.

– Пора... – согласился Кнесслер. – Народ устал от бесконечных войн. А путь к миру может быть только один – договориться... Жалко, что не все эделинги это понимают.

– Вы имеете в виду Видукинда и Аббио? – спросил Бернар.

– Я имею в виду многих из тех наших правителей, которые отделяют себя от простых людей и считают – что хорошо им, то и народу хорошо.

– Сегодня вечером приходите ко мне в палатку, – распорядился Карл. – Мы поговорим с вами на эту тему подробнее. И ты, дядя, тоже приходи. Я готов, кстати, поверить в собственную безопасность, гарантированную мессиром Кнесслером, но все же, монсеньор Бернар, не забывай о постах вокруг всей ставки.

– Я расположу по периметру твоей палатки вдвое больше рыцарей, чем обычно. А во вторую линию поставлю посты из надежных солдат.

– Это хорошо. До встречи вечером, дядюшка. Я угощу тебя великолепным забористым славянским медом, что привезли мне из Старгорода. После этого ты всей душой полюбишь славян, если только сам не захочешь стать пчеловодом, лишив меня тем самым лучшего моего полководца...

И Карл, приветливо улыбнувшись рыцарям, оставшимся с Бернаром, пришпорил жеребца. Барон Борк и эделинг Кнесслер последовали за ним. С легким опозданием то же самое сделал и майордом шевалье дю Ратье, догнавший короля, но не поравнявшийся с ним. Уже поднимаясь на Песенный холм, где почти на вершине забелело полотно огромной королевской палатки, Карл обернулся и посмотрел на дорогу. С запада, со стороны бременских болот, к лагерю приближался еще один отряд. Опытный глаз полководца сразу определил в нем больше сотни конников. Второй, побольше первого, двигался по тюрингской дороге. Это поднимали пыль тяжелой поступью пехотинцы.

Армия уже набирала немалую силу, обрастая все новыми и новыми отрядами, собираемыми из провинций. Карл и сам не знал еще, для чего вызвал в Саксонию столько солдат. Первоначально он хотел провести небольшую и быструю войну с бодричами и присоединить это княжество к королевству. Подобная победа не много дает для славы полководца, зато полностью соответствует мыслям короля-стратега – Дания окажется отрезанной от материка и постепенно потеряет все свое влияние и на саксов, и на славянские племена, лежащие южнее. Сами саксы присмирят, если со спины им будет угрожать сила не слишком дружественных славян, органично вошедших после поражения в королевство франков, как мыслил это сам король. Главное в том, чтобы маленькое княжество влилось в королевство именно органично. Но Карл умел делать так, чтобы это удавалось. Единственная его политическая ошибка – Саксония. Хотя это даже не его собственная ошибка, а ошибка его отца Пипина Короткого. Здесь сразу все пошло наперекосяк. И до сих пор никак не удается восстановить порядок.

И вот армия собралась такая, что впору идти войной и на Данию, хотя такая война без предварительной подготовки не может быть успешной, и Карл всерьез не рассматривал возможность подобного похода. Но нечаянные действия, как король хорошо знал, никогда не бывают в действительности нечаянными. Они обязательно к чему-то приводят. Так и получается сейчас. Одновременно во многих местах восстают саксы, и почти половина армии должна быть занята их умирением.

Высоко и величественно протрубил сигнальный рог, сообщая – король в ставке. Над палаткой стало подниматься знамя с одним из королевских гербов – стоящие на задних лапах леопарды угрожали зажатými в передних лапах боевыми молотами двухъярусной замковой башне⁴⁵. Сверху навстречу королю и двум его спутникам пешком стала спускаться большая группа придворных, привычно устроивших уже свои палатки неподалеку от королевской.

– Благодарю вас, господа, – обратился Карл к баварцу и саксу, – вы сегодня сослужили мне хорошую службу. Надеюсь, смогу вам отплатить той же монетой. А копить долги я не люблю... Кнесслер, не забудь, что вечером я жду тебя для разговора относительно вариантов мира в этих землях. Чего саксы желают и что им можно дать... Подготовь свои соображения. Я пришлю за тобой. А пока оба отдохайте.

Король легко спрыгнул с коня, бросил повод, который тут же подхватил паж в одеждах королевского дома – красный с синим цвета, и пошел к своей палатке спокойным шагом монарха, которого невозможно ничем возмутить. Двор, образовав с двух сторон коридор, склонился в молчаливом поклоне. Но из-под склоненных голов сверкали любопытные глаза и стремились уловить настроение Карла. Рыцари, попавшие в засаду, уже прибыли в ставку и рассказали, что случилось с королем. Все желали знать, чем закончится эта история. А что она еще не закончилась, никто не сомневался. Естественно, отсюда, с холма, было хорошо видно лагерь армии, и придворные уже знали, что Карл беседовал со своим дядей, исполняющим в королевстве еще и функции верховного прево. Все ждали, что с минуты на минуту прево отправит

⁴⁵ Этот герб установил для себя дед Карла Великого майордом Мартелл, по прозвищу Молот. Потомки гербом деда пользовались редко, потому что сам Карл Мартелл не был королем и не носил королевских регалий. Но Карл Великий, в отличие от своих сыновей и особенно внуков, дедом гордился.

солдат на поиски бандитов и полную очистку лесов. Это казалось естественным шагом. Однако никаких приготовлений заметно не было, и это вызвало недоумение. Придворные тоже любили покататься на природе, разогнать кровь в горячих лошадях, но кто же отправится на прогулку в лес, если этот лес переполнен бандитами – что ни день, приходят сообщения о новом нападении. Того и гляди, начнут угрожать самой ставке.

Через полчаса король вышел, сняв свои легкие доспехи и облачившись в простой и удобный костюм свободного покроя. За модой он следил мало, предпочитая просто удобную для его подвижного характера одежду.

– Где Алкуин?⁴⁶ – спросил.

– Должно быть, у себя в палатке, ваше величество. Он сегодня еще не показывался среди нас. Прикажете его позвать?

– Нет, – отказался Карл. – Не стоит отрывать его от дел. Я сам пойду... Где его палатка?

Королю показали направление, он пошел первым, а вся толпа франкской знати, рыцари и чиновники, двинулась следом. Алкуин – единственный человек при дворе Карла, которого король редко вызывал к себе, предпочитая временами навещать сам. Это, конечно же, считалось нарушением этикета, и придворным казалось, что аббат, пользуясь такими привилегиями, отрывает часть от их общего пирога. Потому его и не любили. Однако Алкуин и сам никого не любил, кроме, разве что, короля, хотя многие поговаривали, что и короля он только терпит. Будь Алкуин родственником Карла или хотя бы одним из любимых рыцарей – такая непонятная дружба никого бы не смутила. Но не военачальник, не богатый землевладелец, хоть и аббат, но не священник высокого ранга – простолюдин, ставший то ли по милости, то ли по прихоти необходимым монарху человеком, – это было выше понимания большинства.

Карл издали узнал большую коричневую, чем-то неуловимо похожую на монашескую сутану палатку ученого, постоянное его пристанище во всех поездках вместе с королем. Рядом с палаткой стояли три крытые тележки – аббат всегда возил за собой обширную библиотеку и множество приборов, назначение которых мало кто знал, в том числе и сам король. С правой стороны из палаточного пристроя тянулась вверх металлическая труба, из которой валил дым. Непосвященный человек непременно подумал бы, что здесь находится кухня. Король же сразу понял, что Алкуин не от излишнего аппетита и не от недостатка тепла страдает, а разжег горн в своей мастерской, ставя какие-то очередные опыты.

Полог был откинут. Король вошел, предварительно, не оглянувшись, сделав знак рукой – запрещение придворным следовать за ним. Небольшая передняя комната палатки, если ее можно назвать комнатой, где посередине стоял весь заваленный бумагами и чертежами громадный стол, оказалась пуста. Карл откинул второй полог и оказался в самой большой комнате – в мастерской. Алкуин стоял перед маленьким переносным горном, спиной к королю. Рядом с ним коренастый человек в одежде непонятного покроя, явно не франкской, раздувал мехи, посматривая в огонь, и Карл сразу догадался, что тот старается поддерживать строго определенную температуру. Другой человек, в кожаном фартуке, какие носят кузнецы, держал в руке стеклянную трубку и плавно дул в нее. На конце трубки колыхалась какая-то масса, напоми-

⁴⁶ *Алкуин* — по происхождению сакс из Англии, ученый, знающий множество языков, считался специалистом во многих науках, в том числе и в средневековой экономике. Карл посадил Алкуина на должность аббата Турского монастыря, однако в самом монастыре аббат появлялся крайне редко. Король всюду возил Алкуина с собой и советовался с ним по самым различным вопросам, используя недюжинные логические и аналитические способности сакса. Так, именно Алкуин разработал по просьбе своего короля знаменитый *Capitulare de villis* (принят в 812 году, за два года до смерти Карла) – это было законоположение по пользованию и обработке земли в королевстве. Первый такой закон в Европе. Принятием этого закона Карл Великий, к тому времени уже император, на десяток веков опередил свое время. Кроме того, Алкуин возглавлял научное общество, существующее при короле, – в современном мире его назвали бы королевской академией наук, а аббата Алкуина президентом этой академии. С подачи Алкуина, за которым было последнее слово, Карл финансировал деятельность ученых своей страны. Единственное условие для финансирования – возможность практического применения разработок. Карл во всем был прагматиком.

нающая пузырь. Но человек с трубкой деревянными стругаными палочками, зажатыми между пальцами второй руки, умело придавал форму этому пузырю. Таким образом, на глазах короля, не заявившего о своем приходе, родился кувшин замысловатой изящной формы, напоминающий изгибами женское тело.

Аббат почувствовал что-то и оглянулся. Только тогда король шагнул вперед.

– Ваше величество, – спокойно и с достоинством поклонился Алкуин, – я пригласил стеклодувов из Старгорода⁴⁷, чтобы поучиться их знаменитому мастерству... Это удивительно, какие сосуды они могут выдувать и лепить из простого стекла... Это удивительно... Нашим мастерам есть чему поучиться у них.

Король улыбнулся. Он знал способность Алкуина восторгаться чьим-то умением и постоянное желание обучиться всем ремеслам, которые находил интересными. Именно для этого Карл выделял аббату людей и средства, чтобы они перенимали знания у других народов и привозили их в свое королевство.

– Я вижу, ты сильно занят... – сказал король добродушным тоном, как ни с кем не разговаривал, кроме своего ученого любимца.

– Прошу меня простить, ваше величество... Этот процесс нельзя прервать, – оправдался Алкуин. – Иначе вся работа пойдет насмарку.

– Хорошо, – кивнул король. – Я мало понимаю в твоих делах, но если ты не можешь оторваться... Вообще-то, я пришел обсудить с тобой кое-какие дела. Как освободишься, зайти в мою палатку.

– Мне стоит подготовиться к беседе? – рассеянно спросил аббат, бросая взгляд на стеклодува, сам думая, как заметил Карл, о другом.

– Да... Пожалуй... Я хочу помириться с мятежными саксами. Подумай, как это сделать лучше. Я познакомлю тебя с одним интересным эделингом. Вам будет о чем поговорить. А сейчас, если не помешаю, – король направил взгляд туда же, куда смотрел Алкуин, – я хотел бы увидеть, что получится из этого пузыря...

Однако досмотреть Карлу не дали.

Где-то под холмом, еще достаточно далеко, призывно и торжественно зазвенел рыцарский рог.

– Знакомый тембр... – сказал король, прислушиваясь и насторожившись. – Я думал, что такой тембр был только у одного рога на свете... Неужели... Семь лет... Алкуин?.. – во внезапно подступившем волнении посмотрел король на ученого вопросительно.

– Звезды говорят, ваше величество, что это не так. Но что-то косвенно вас вернет к этим событиям, причем неоднократно. Я вас предупреждал...⁴⁸

Король, казалось, не поверил словам Алкуина, потому что хотел верить в другое. Еще некоторое время он стоял, и желая пойти навстречу взволнованному его звуку, и страхась этого. И все же решился.

⁴⁷ *Старгород* — столица славянского княжества вагров, город находился между современными Любеком и Гамбургом. К тому времени, о котором идет рассказ, от княжества, по сути дела, осталась только столица, с трех сторон окруженная владениями бодричей, саксов и франков, а четвертой выходя на Эльбу. Раньше вагры входили в племенной союз бодричей, но в VII веке, выделившись из него в самостоятельное княжество, в войнах с саксами и с франками потеряли все свои обширные земли на левом берегу Эльбы. Полностью княжество перестало существовать в 789 году, когда Карл разбил войска князя вагров Бравлина II, тщетно надеющегося на поддержку датчан, с которыми он неоднократно воевал против шведов. Не желая принять христианство и подчиниться Карлу, хотя получил такое предложение, Бравлин вместе с большей частью своего народа переселился на восток. Бодричи, несмотря на то что Бравлин поддерживал датчан и вопреки приказанию Карла, беспрепятственно пропустили Бравлина. Убежище ваграм предоставили ильменские словене. В то время Новгород (Словен) активно строился и расширялся, и вагры – известные купцы, ремесленники и строители, возвели большую часть нового города и, возможно, дали ему название (Старгород – Новгород). Они органично слились со словенами, ассимилировались среди них, но при этом потеряли название своего племени.

⁴⁸ Алкуин, помимо всего прочего, был еще и видным астрологом своего времени.

– Да, Алкуин, ты предупреждал... Но такой тембр был только у Олифана!⁴⁹
Король, не дожидаясь продолжения слов ученого, в волнении заспешил из палатки.
Алкуин только головой покачал ему вслед...

⁴⁹ Рыцарский рог, как и меч, имел у франков собственное имя. Рог Олифан король подарил Роланду (маркграфу Хроутланду), когда оставил его в Ронсевальском ущелье. Согласно преданию, Роланд из гордости не захотел трубить в рог и подавать сигнал королю, который был еще недалеко, когда на отряд напали сарацины. Тем сгубил себя и товарищей.

Глава 6

Сигурд улыбался так широко, что всякий с первого раза сказал бы, что у этого человека широкая натура и всем ветрам открытая добрая душа. Только хорошо знающие герцога люди понимали, что это улыбка хищной и коварной датской кошки, которая решила в свое удовольствие поиграть с беззащитной бодричской мышкой и дать ей надежду поверить в возможность самостоятельно решать свою судьбу. Но когти кошки, хотя и прячутся за мягкими подушечками, всегда готовы молниеносно нанести удар. И даже в фигуре этого пирата, во всем его мощном бочкообразном теле, даже в поступи его проступала кошачья грациозность.

Князь-воевода хорошо знал характер Сигурда и потому несколько не обольщался этой оборотительной, на зрителя рассчитанной улыбкой. И, сознавая отведенную княжеству роль мыши, искал способы вывернуться из когтистых лап с наименьшим ущербом. Однако бодричские бояре своей роли, похоже, не понимали, если только не играли в какую-то собственную игру, отличную от игры князя-воеводы Дражко и самого князя Годослава.

И когда Дражко остался на месте, поджидая королевского посла и блюдя тем самым честь своего князя, они заспешили навстречу герцогской улыбке, нарушая дипломатическую традицию, зато показывая свою угодливость и согласие. Более того, уверенные, что Дражко вызвал раздражение герцога, стремились своим поведением показать, что они к действиям воеводы относятся с неприятием. Они-то послу рады сердечно и готовы ублажать его, как только возможно.

– Мотыльки помчались на пламя свечи... – отреагировал на это Дражко. – И крыльев им своих не жалко... Впрочем, туда им и дорога... Не грех их даже подтолкнуть, чтобы не мешались под ногами и не суетились.

– Только прикажи, княже, – улыбнулся Далимил, – мы с удовольствием всех их столкнем куда след. Навсегда! И мешать больше не будут...

Дражко промолчал, наблюдая, как встретятся послы и бояре.

Однако герцог тоже хорошо знал расстановку сил в стране бодричей. Знал и ту ничтожную власть, что оставил боярам, не в пример своему отцу, молодой Годослав. Даже и не власть вовсе, а лишь право подавать иногда голос, ничего не решая, и тем себя обманывать⁵⁰. И потому прошел мимо них, демонстративно не замечая, умышленно оскорбляя этим и повышая статус князя-воеводы. И опять первым протянул руку Дражко.

– Как спалось тебе, князь? – поинтересовался он и с удовлетворением потянул воздух широкими ноздрями хищного носа.

Запах ароматного греческого вина хорошо чувствовали и он, и сам воевода, как почувствовали его бояре. И потому Дражко по-лошадиному мотнул головой, показывая не совсем здоровое ее состояние, и ответил намеренно чуть хрипловато, слово язык у него пересох:

– Знатное угощение ты мне прислал. Благодарю! Будь ты, герцог, проклят! Голова до сих пор трещит. Как начал, остановиться не смог... Но эти греческие амфоры, сам, наверное, знаешь, слишком уж несерьезная посуда. Мне не хватило даже до утра... Пришлось медом добавляться. И потому сегодня я тебе отвечу традициями нашими – долг платежом красен: пришлю

⁵⁰ Бодричи к тому времени уже не созывали вече, которое у восточных славян выбирало князя сроком на шесть лет в северных землях и на десять в южных. Про вече во времена Годослава историки вообще ни разу не упоминают, и только из косвенных данных можно понять, что отказ от права народа на решающий голос стоил предкам Годослава крупной ссоры с волхвами. Очевидно, процесс централизации власти и перехода ее в наследственность был естественным. Из всех западных славян только ляхи (поляки) сохранили эту ведическую традицию на долгие годы. Даже принятие христианства не смогло разрушить ее. Единственно, термин «вече» сменился у ляхов на термин «сейм», хотя сути своей не изменил. Но он вносил в государственное устройство Польши больше беспорядка, чем организованности.

на ночлег добрый бочонок, привезенный фряжскими купцами. Вино гасконское, покислее греческого, но отменно крепкое. А на вкус не хуже. Пусть завтра у тебя уже голова трещит!

– Заранее признателен, – рассмеялся Сигурд над добродушными проклятиями в свой адрес. – Но ты сказал про ночлег... А разве мы сегодня не доедем до Рарога?

Воевода с рисованным удивлением пожал крутыми плечами.

– Если ты пожелаешь, мы можем подогнать коней и успеть засветло к открытым городским воротам...

– Я хотел бы успеть, – сказал герцог твердо и с ударением на слове «успеть».

– Мы постараемся, – сразу согласился Дражко.

Этот вопрос решился быстро, но у Трафальбрасса осталось немало других.

– Что там с франками? Среди ночи приходил гонец от тебя. Такой... С огромным топом. Грешным делом, моя охрана приняла его за палача и чуть было не перепугалась. Я как раз только собрался спать, как...

– На этом берегу мои разведчики перехватили отряд франков... – сказал воевода и осекся. Он тут же понял свою ошибку. Сообщая Сигурду о появлении франков, он сам давал повод герцогу заговорить о безопасности и таким образом обосновать появление на территории бодричей датских солдат. Но, с другой стороны, следовало обосновать пропажу посла герцога и посла короля к купцу Якобу. И какое из двух зол было меньшим, навскидку предположить оказалось трудно.

– И что? – естественно, герцог заинтересовался.

– Скорее всего, – воевода беспечно махнул рукой, – это были обыкновенные мародеры. Простые вои, без рыцаря... Ограбили и спалили деревеньку, и навалили целый воз добра. Собирались переправляться назад, когда их перехватили. Таких вокруг всякой армии толкается множество, никому не подчиняются и вреда приносят больше, чем сама армия. Причем обоим воюющим сторонам. Потому-то их частенько побивают даже свои.

– Деревенька на берегу Лабы? – Герцог желал знать все в подробностях, которые князю приходилось выдумывать на ходу, и он боялся, чтобы потом не сказал что-то не так кто-нибудь из простых воев, если герцог снизойдет до разговора с ними.

– Нет, кажется, по ту сторону дороги в Данию... Точно я не знаю. По всей вероятности, они провели в наших землях не один день...

– Пленных допросили?

Взгляд и усы воеводы одинаково выразили удивление таким вопросом.

– Допрашивать можно было только лошадей, но не воев. Они без боя не сдались бы. Разведчиков было мало – зачем рисковать в рукопашной схватке. Наши стрельцы просто перебили их с дистанции.

– Если можно, я хотел бы посмотреть на них...

Сигурд пожелал проверить рассказ, это очевидно. Значит, сработала задумка Дражко – списать исчезновение гонцов на появление франкских мародеров. Такие мародеры и правда уже появлялись на берегу, но стрелы бодричей сумели внушить им уважение к границе. Хотя темной ночью переправиться через реку можно без проблем.

– Посмотреть? Да сколько угодно раз. Тела привезли в город, чтобы показать мне. Правда, твой подарок позволил мне затушить огонь любопытства. Греческое вино всегда бьет мне в ноги. Мы ходим с тобой вместе сразу после службы. Нам уже пора! Слышишь сигнал?

Только что из-за закрытых ворот храма прозвучал протяжный звук берестяного рога⁵¹.

Герцог с воеводой обернулись как раз в тот момент, когда широко распахнулись тяжелые двойные створки, и, в окружении волхвов рангом помельче, вышел суровый старый Колопас, верховный волхв храма Свентовита. Длинные и седые, слегка выющиеся волосы поверху схва-

⁵¹ У славянских племен берестяные рога и рожки использовались вместо сигнальных труб.

чены золотым обручем, разукрашенным драгоценными камнями. Чисто выбритый подбородок блестит белизной, словно седина не существующей бороды стремится пробиться из-под кожи. Глаза верховного жреца горят суровым и обжигающим льдом. Самый отъявленный хвастун и врун княжества не решился бы сказать, что слышал от сдержанного Колопаса больше пяти слов подряд вне службы.

Берестяной рог прозвучал еще трижды, теперь более громко, потому что ворота храма остались распахнутыми и звуки изнутри легко вырывались наружу.

Волхв стукнул о землю большим и тяжелым, как добрая оглобля, посохом, вызолоченным на узловатом верхнем конце, и повернулся к храму лицом. Это означало приглашение для всех, кто собрался на площади, войти в ворота вслед за Колопасом.

За внешней каменной, будто крепостной, стеной в центре двора располагался сам храм Свентовита, рубленный из мощных дубовых стволов, каждому из которых, как говорили, было не меньше сотни лет – другие дубы для возведения постройки не брали. И любое из использованных в стене бревен уже само по себе являлось произведением искусства, умело обработанное инструментами славянских художников-резчиков. В целом стены сверху донизу представляли собой деревянные картины со множеством мелких деталей, которые сразу приковывали взгляд и требовали долгого и тщательного изучения. Служба по традиции начиналась только после того, как всем пришедшим давалось время на рассмотрение этих своеобразных произведений искусства, свойственных только ведической вере⁵².

По углам обширного храмовского двора располагалось еще четыре храма, совсем маленькие, сложенные из обыкновенных, удобных для постройки бревен. Здесь не проводилось торжественных служб, зато в маленькие храмы каждый житель Свентаны мог, постучав в ворота, пройти в любое время суток, чтобы по своей надобности обратиться к Богу. Каждый из малых храмов был посвящен отдельному проявлению Бога⁵³, и горожане посещали тот, который был им необходим в настоящий момент.

– Хо-хо, – засмеялся герцог, рассматривая изображения на одной из стен. – Тебе, князь, не кажется, что ты чем-то смахиваешь на этого Корша?⁵⁴

Дражко сделал вид, что смутился, и взгляд его стал почти виноватым. В самом деле, он давно уже знал, что имеет некоторое сходство с этим изображением Бога, и не только великолепными усами, но и умением много выпить, не пьянея.

– Ты, герцог, находишь?

– Конечно. После той амфоры, что я прислал тебе вчера, другого и ожидать трудно.

⁵² Так же точно в индийском и авестийском ведизме широко использовалась резьба по камню. Сохранившиеся до наших дней каменные храмы в Индии во многом перекликаются по сюжетам с дошедшим до нас описанием славянских храмов. Авестийские храмы были уничтожены экспансией ислама и в настоящее время доступны только фрагментарно в результате археологических раскопок. Часть из них уничтожена недавними бомбардировками США и Великобритании Ирака. Экспансия христианства уничтожила славянский ведизм. К сожалению, дерево – основной материал в славянском эзотерическом строительстве – не обладает прочностью камня и его выносливостью во времени. И потому мы знаем о храмах своих предков только по описанию и по редким зарисовкам путешественников и хронистов.

⁵³ Ведическая вера славян была моногамной, они верили в единого Бога – Рода. А все остальные Боги – Перун, Велес, Свентовит, Макошь, Дажьбог, Радегаст и другие были детьми и внуками Рода и являлись не богами в нашем понимании этого слова (что, кстати, и дало повод обвинять славян в многобожии), а только проявлением отдельной грани самого Рода. Все грани познать было невозможно – они несли в себе всю Правь, или, иначе говоря, ведические законы существования Вселенной, но каждая из них касалась отдельной стороны жизни славян, и славяне приносили жертвы той, которая волновала их непосредственно в данный момент.

⁵⁴ *Кори, Корс, Хорс* — Бог солнца, занимал высокое положение в иерархической лестнице. Но одновременно с этим демонстрировал другую сторону жизни. Подразумевалось, что Боги должны заниматься не только Божественным делом, но и отдыхать тоже. В этой своей грани Корш имеет некоторое функциональное сходство с древнегреческим Вакхом. Являлся покровителем любителей пива и меда. Изображался обычно нагим мужчиной с бородой или с усами, с венком из хмелевых веток на голове и такой же хмелевой перевязью через правое плечо. В правой руке обязательно держал ковш, из которого собирался пить. (Дано по описанию Корша в храме города Аркона на острове Буян по тексту Саксона Грамматика. Аналогично выглядел золотой Корш из храма Ретры, известный всем ученым мира. Но эта статуэтка утеряна во время Второй мировой войны.) Корш был любим славянами за широкий, как у всего народа, нрав.

– После того бочонка, который я пришлю тебе сегодня, ты будешь похож на него не меньше, обещаю. А пока я оставлю тебя полюбоваться другими Богами, а сам схожу в малый храм... – показал князь-воевода пальцем направление. – Оставлю Радегасту⁵⁵ мешочек с золотыми монетами, раз уж он мой покровитель по моей нынешней должности. Попрошу заступиться за наши города, такие гостеприимные к гостям, но не любящие захватчиков. Радегаст всегда с добрым сердцем относился к Свентане. Надеюсь, что и впредь, с моей помощью, он не оставит город своей заботой. По нынешним временам, ты сам, герцог, понимаешь, моя жертва, какой щедрой она ни будь, всегда будет недостаточно щедрой. Не обессудь и не скучай. Я скоро вернусь...

После такой длинной тирады воевода ушел, оставив герцога в недоумении и догадках – знает ли Дражко о готовившемся нападении на город? Следом за воеводой к низкой двери небольшого углового храма потянулись и другие вои, пришедшие на службу. Радегаст – их покровитель, и это не вызвало ни у кого удивления.

А сам князь посмеивался, пряча улыбку за пышными усами. Он выдал дану откровенный намек на то, что Свентана готова к обороне и не удастся незванным гостям застать защитников врасплох. Но в храм поторопился не только из желания попросить Радегаста о покровительстве. Воевода знал, что разведчики, помощники волхва Ставра, пойдут за ним, и необходимо было срочно провести инструктаж и передать через них несколько поручений.

Так и оказалось. В дверь храма, специально сделанную низкой настолько, что любой входящий поневоле поклонится стоящему в трех шагах за порогом золоченому идолу Радегаста, следом за Дражко вошли Скурлата, Далимил, Годион, Лют-пращник и еще несколько дружинников. Положив в деревянную дароносицу-поднос мешочек со звонким золотом и высказав идолу свои просьбы, Дражко оглянулся, проверяя, нет ли в храме посторонних, и, убедившись, что всех присутствующих знает в лицо, дал указания:

– По прибрежной дороге, в обход, чтобы с посольством не встретиться, сюда движется полк из пятисот дружинников. Пошлите кого-нибудь, чтобы срочно поторопили. Там две конные сотни. Эти пусть оставят пеших воев и рысью мчат сюда. Герцог настаивает, чтобы мы поторопились с отъездом. Думаю, неспроста. Он все еще надеется захватить Свентану.

– Я отправлю человека, – сказал Годион.

– И еще... – продолжил воевода и снова глянул на дверь. Вошел новый человек, но и его Дражко знал – это сотник стрельцов, что так удачно командовал навесным обстрелом дороги. – Сигурд желает посмотреть на убитых франков. Я поведу его, и чтобы не сказал кто ненароком невпопад...

Он повторил, что рассказал Трафальбрассу.

– Сделаю, – кивнул головой Скурлата. – Все равно моего знакомца рядом с Сигурдом нет. Может, найду его в городе... На службу я не пойду. Меня здешние волхвы не любят. Они всех новых нищих не любят, считая их данскими шпионами. Меня вчера так тщательно расспрашивали, что и сегодня могут узнать.

– Все точно сделайте! А я пошел – не слишком вежливо оставлять посла одного. И потом, там толпа бестолковых бояр вертится – могут наболтать лишнего. Вы еще немного поговорите с Радегастом, а потом отправляйтесь с поручениями. И не все сразу.

И воевода, приветливо кивнув стрельцовскому сотнику, вышел один. Тылы он обезопасил, кажется, полностью.

⁵⁵ *Радегаст* — Бог воинов. В отличие от Перуна, исполнял более узкие функции. Покровительствовал не всем воинам, а только защитникам. Например, защитникам города. Изображался в доспехах, с копьем в правой руке. В левой руке держал щит, на котором изображалась голова дикого тура, символизирующая отвагу и свирепость. Радегаст носил шлем, на яловце которого сидел петух с расправленными крыльями – символ защитника. Был распространен в основном среди прибалтийских славян. В капищах восточных славян не особенно почитался.

Как князь и предполагал, посол, стоя среди других членов посольства, смотрел не на стены храма Свентовита. Хотя этим были заняты все прочие – и горожане, которые не однажды все это видели, и даны, для которых посещение храма не просто редкость, а большая честь, и даже бояре-бодричи, у которых интерес пересилил внимание к Трафальбрассу. А последний любовался не только изумительной резьбой, но и время от времени поглядывал через плечо на дверь маленького храма Радегаста. И, казалось, остался доволен, что Дражко вышел один. Это мало походило на совещание воеводы с дружиной, слишком уж быстро князь вернулся, да и что может быть за надобность в таком совещании, когда Дражко только что от дружины пришел на площадь.

Осмотр резьбы по стенам храма закончился у последнего изображения – охоты Полканов⁵⁶ на диких туров. Даже на охоте Полканы не расстались со своими доспехами. Полканов множество, но у каждого доспех разужорен по-собственному. Неизвестный художник поставился, не жалея времени, сил и фантазии, изобретая эти узоры, но каждый узор непременно формировался вокруг посолони, обозначающей неуклонное вращение солнца.

Внутри, в само здание, вела только одна маленькая дверь, тоже покрытая значительной ритуальной резьбой, обладающей, как говорили, магической очищающей и защитной силой. Едва гости и идущие за ними бояре со свентанцами подошли к ней, как на пороге показался Колопас. Верховный волхв осмотрел толпу и опять молчаливо стукнул своим большим вызолоченным посохом в землю.

Дражко успел присоединиться к посольству как раз к тому времени, когда предстояло пройти внутрь большого храма. Герцог Трафальбрасс с улыбкой взял воеводу под руку, как лучшего сердечного друга.

– Ну, так что же хорошего обещал тебе, разлюбезный мой князь, твой защитник и покровитель Радегаст? – спросил он с милейшей кошачьей улыбкой.

– Радегаст милостив к тем, кто бывает честен в бою и не приемлет коварства. Он шепнул мне на ухо, что берет свентанцев под свое покровительство и поможет отбить любого врага, как бы силен он ни был, – шевеление громадных княжеских усов тоже изображало добродушие и прекрасное настроение.

И герцог продолжал улыбаться, хотя по напряжению пальцев Сигурда воевода понял, какой ценой гасится кипящая ярость страстной пиратской натуры, готовой в любой момент превратить улыбку в дикую гримасу жадного хищника.

– Ты всерьез надеешься, что Радегаст сильнее христианского бога франков?

– Я не берусь спорить о силе богов, – мягко и уклончиво ответил воевода. – Тем более что жрецы наши постоянно утверждают, что Бог всегда один, только разные народы по-разному зовут его, точно так же, как по-разному произносят слово «мама». А исход любой битвы решается там, куда не проникает скудный человеческий разум. Однако наши небесные покровители в благодарность за уважение могут наделить характер воев неуступчивым духом и против франков, и против любого другого врага. Это Радегаст обещает, и я ему верю.

Трафальбрасс и этот укол перенес, не изменив выражения лица.

– А ты, дорогой герцог, не собираешься обратиться к кому-то из наших богов?

Герцог в раздумье чуть не игриво склонил голову.

⁵⁶ *Полкан* — соответствует центавру в древнегреческой мифологии, только в славянских ведах приобретает черты полубога. Получеловек-полуконь у славян закован в латы, но от этого не теряет своей быстроты и стремительности. Естественно, превосходный стрелок. Покровитель стрельцов. Название произошло, очевидно, от слова «полуконь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.